

лето
2010

Что есть
Россия?

Русские
страны

Энергия
культуры

«Русский
бог»

Страна
пути

Борьба за
будущее

Александр Неклесса

Русский мир. Цивилизация многих народов

Речь идет об императиве выбора Россией пути в будущее с учетом своего культурно-исторического наследия.

О формулировании концепции интенсивного обновления применительно к новым обстоятельствам.

О проекте трансформации внешней и внутренней политики в изменившихся условиях.

И о социальном дизайне, представляющем последовательную пропись шагов-действий по реализации национальной мечты.

Москва 2010

ББК 87.68
УДК 008
Н 54

Серия «Социокультурные проблемы глобализации». Вып.10 (лето 2010 г.).

А.И. Неклесса. «Русский мир. Цивилизация многих народов» / Научный Совет РАН «История мировой культуры». – М.: Комиссия по социокультурным проблемам глобализации, 2010.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

код научной специальности издания 23.00.04

Работа над докладом проведена весной 2010 г. в рамках работы над проектом «Соловки».

Доклад утвержден к печати Комиссией по социокультурным проблемам глобализации Научного Совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН 24 июня 2010 г.

Сокращенная версия доклада была представлена 8 июня и 5 июля 2010 г. на сайте «ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия» (www.intelros.ru); 29-30 июня – размещена в виде статей на сайте «Русского журнала» (www.russ.ru); рассылалась в конце июня/начале июля членам и гостям клуба «Красная площадь».

© 2010, Александр Неклесса

РУССКИЙ МИР

ЦИВИЛИЗАЦИЯ МНОГИХ НАРОДОВ

ПРЕАМБУЛА.

ВЕКТОР СУДЬБЫ РОССИИ – ЕЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ

I. РЕСПУБЛИКИ МНОГИХ НАРОДОВ

1. ЭНЕРГИЯ КУЛЬТУРЫ
2. ЧТО ЕСТЬ РОССИЯ?
3. РУССКИЕ СТРАНЫ

II. ЦИВИЛИЗАЦИЯ МНОГИХ НАРОДОВ

1. СТРАНА ПУТИ
2. «РУССКИЙ БОГ»
3. БОРЬБА ЗА БУДУЩЕЕ

PERSONALIA

ПРЕАМБУЛА ВЕКТОР СУДЬБЫ РОССИИ – ЕЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ

Сотни лет мы шли навстречу вьюгам
С юга вдаль на северо-восток.

Максимилиан Волошин

Уважаемый господин председатель, коллеги, дамы и господа,
предлагаемые вашему вниманию размышления – взгляд на одну из потенциальных версий развития событий внутри и вокруг России-РФ. Имея в виду императив разработки стратегии государства, с существенно изменившимся геополитическим, геоэкономическим и геокультурным содержанием.

Но вместе с тем – страны, чьи корни имеют тысячелетнюю историю.

Источником возможных стратегем видится концепт «Русского мира», переосмысленный применительно к ситуации XXI века в стране, регионе и на планете.

России критически важно отыскать способ единения собственных обширных пространств, гармонизировав их социальное и культурное разнообразие. Восстановив, в частности, внеэтническое содержание категории «русский», либо утвердив в этом качестве неологизм «россиянин», т.е. интегрировав этнические группы и конфессиональные сообщества в целостность национального организма, политическую нацию. Как, собственно говоря, это происходило и происходит в таких странах как США и Китай, Индия или Франция.¹

¹ Согласно последнему опросу ВЦИОМ'а (проведен 5-6 июня 2010; пресс-выпуск №1522 от 23.06.2010) лишь 58% жителей страны характеризуют себя как «граждане России» (в 2008 г. – 70%). 30% определяют себя как «человек»; 19% определились по месту, в котором проживают; 18% предпочитают характеристику по

Однако в нынешнем изменчивом, непросто организованном мире этого недостаточно.

Сегодня поверх прежней административно-политической карты мира складывается сложная топография социокультурных интегрций, калейдоскопичных, исторически сопряженных стран-систем, пестрых политий, отражающих новый статус политгеографии: **страны – это не территории, а люди.**

Формирование трансграничных сообществ требует пересмотра прежних догм и подходов. России необходимо найти линию поведения в данном процессе – неоднородном, комплексном – с синергичным прочтением ряда его аспектов: политических, исторических, психологических, языковых.

Иначе говоря, проблему Русского мира должно рассматривать как цивилизационную, социокультурную и с учетом конвергентно-дивергентной стилистики XXI века.

* * *

У России-РФ в настоящий момент нет национального «смыслового каркаса» — вместо него обществу предлагается то и дело перекраиваемое и сшиваемое на «живую» (конъюнктурную) нитку лоскутное одеяло, отражающее мировоззренческую и социальную эклектику. Отсутствует позитивное проектирование исторической судьбы, что, конечно, не исключает определенных замыслов и масштабных политических интриг правящего слоя, сопряженных с глобальным контекстом.

Несмотря на драматизм нынешнего состояния, у страны, однако же, есть шанс удержаться в русле актуальной исторической динамики. Равно как явственна угроза увязнуть в социальной и политической автаркии, пережив при этом *de facto* неконтролируемую «конфедерализацию».

Момент, в принципе, благоприятствует стратегическому повороту в обустройстве холмистого пейзажа Русского мира. Ибо именно сегодня – так уж легли карты в глобальном казино – интересы основных игроков на планете дают определенную свободу маневра России.

Соединенные Штаты, занятые установлением контроля (управления) над ситуацией на Большом Ближнем Востоке и нуждаясь в поддержке, предоставляют России бо́льшую свободу действий на постсоветском пространстве. Причем, как в европейской, так и в азиатской его частях.

Европа, испытав форсаж интеграционных механизмов и стратегическую реконфигурацию, занята перевариванием собранного интернационала: разнородных политических и культурных организмов. Она производит на свет новую историческую субъектность, но ощутив колебания почвы под ногами, явно не склонна в настоящий момент расширять список участников процесса.

События, происходящие в центрально-азиатском и кавказском регионах, также указывают на возможность для России серьезных подвижек.

Однако главный вопрос – в наличии политической воли, т.е. выраженной заинтересованности, субъектности. А также в отыскании оптимальной формулы политического / культурного сотворчества, со-гласия, гармонии. Равно как в ее умном, умелом воплощении.

Но какую историческую инициативу может выдвинуть Россия? Какой дар предложить соседям – помимо энергоносителей – что послужило бы стимулом для амбициозной реконструкции,

этническому признаку; 17% идентифицируют себя с семьей; 15% считают себя «советскими людьми»; 6% идентифицируются посредством профессиональной принадлежности, столько же считают себя космополитами; самоидентифицируются по конфессиональному признаку – 5% и 2% - как «европейцы».
(http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/13603.html?no_cache=1&cHash=00b61ddfd).

благородным идеалом, способным наполнить стратегическим содержанием взаимоотношения сопредельных стран и народов? Что за сумма интересов и ценностей могли бы увлечь на путь сотворения устремленной в будущее системы, эффективно сочетающей членов общей судьбой?

Наверное, это самый трудный вопрос. Неразрешимый ли? В настоящий момент возможно. Но некоторые сюжеты выстраиваются не на сиюминутную перспективу. Для отстраивания соборной архитектуры, между тем, может быть использован обширный инструментарий: геополитический, геоэкономический, геокультурный и... ретроспективно-дискурсивный с асимметричным подходом к проблеме. То же относится к вариативности конфигураций и многомерности решений.

Будучи хотя бы отчасти реализованной – для чего, повторюсь, именно в данный момент имеются некоторые предпосылки, – инициатива, связанная с социализацией той либо иной геометрии Русского мира, продвинула бы Россию и всю субэкумену в области практики, где сегодня обустраиваются такие социокультурные и политэкономические комплексы, как США, ЕС, Китай и т.п.

* * *

Концепция Русского мира неоднородна и неоднозначна. В этом ее достоинство.

Она имеет несколько регистров: от сугубо языкового прочтения до стратегии сложного взаимодействия связанных с Россией стран, иных близлежащих государств и территорий, а также диаспоры. Эта полифоничная концепция в различных ипостасях нуждается в осмыслении, проблематизации, развитии, что будет зависеть от избираемой позиции, интеллектуального, политического мастерства, методов продвижения идеалов в обществе и окружающем мире.

Другой императив стратегического действия: внятное определение русской/российской идентичности, оригинального культурно-исторического кода, его предъявление и осмысление внутри страны и за пределами.

Следующая составляющая – программа полноценного обновления/развития, не ограниченного научно-техническим, промышленным содержанием, позиционируемым сейчас как очередная модернизация России (не слишком удачное, но прижившееся определение).²

И, наконец, трансляция суммы обретенных концептов, детонирующих импульсов и перспективных образцов в семантике, учитывающей культурно-историческую специфику общества.³

Подобный подход не содержит ничего необычного. Опыт модернизации различных регионов планеты показал, что, к примеру, органичная, гомогенная западноевропейская модернизация, т.е. процесс формирования общества Модернити (с некоторыми модификациями воспроизведенный на американском континенте), существенно разнится от догоняющей, преимущественно «технологической» и подчас симуляционной модернизации постколониального мира.⁴

² См. Александр Неклесса, Дан Медовников. «Государство и модернизация» или «Общество инноваций»? (http://www.intelros.ru/subject/karta_bud/6553-gosudarstvo-i-modernizaciya-ili-obshhestvo-innovacij.htm).

³ В частности можно упомянуть опыт развернувшегося в Европе «переписывания истории» в формате учебников (как двусторонних, так в перспективе и общеевропейских).

⁴ Ср. ситуацию, к примеру, в ряде стран Африки, где при наличии элементов модернизированного фасада реальная ситуация во многом сохраняет элементы трайбализма и автократии. Что наряду с отдельными фактами демодернизации способно порождать неоархаичные химеры либо прямо вести к социальному коллапсу и аномии. Ярким примером могут служить судьбы Сомали, юга Судана, некоторых других территорий.

Конечно, это предельные рамки феномена. И, скажем, модернизация Китая, Индии, Ирана, арабских княжеств Персидского залива – прямо заявляющих о культурной автономии от западноевропейской калки (что, впрочем, не означает отрицание последней, доказавшей эффективность феноменом глобализации), – демонстрирует успехи именно на путях интенсивного развития. Однако, все же оговоримся: используя и адаптируя не ими созданную стратегическую и технологическую новизну.

Та же проблема стоит перед вторым поколением центрально- и восточно- европейских стран. И в еще большей степени – перед странами центрально-азиатского региона.

Повторим еще раз, России, наряду с моральной реабилитацией, углубленной интеллектуальной и культурной реформацией, декриминализацией – а это, пожалуй, наиболее серьезная ее повестка на сегодняшний день, необходима также исторически мотивированная концепция комплексного обновления, стратегия обустройства отношений с окружающим миром с учетом изменившейся в стране и на планете ситуации.

Причем – с использованием оригинального социокультурного кода, прочитанного на основе опознанной идентичности.

* * *

Суммируя вышеизложенное, можно сказать, что речь идет о критическом моменте *выбора Россией судьбы* – пути в будущее, позитивность которого будет зависеть от следующих достижений:

- успеха в поиске – с привлечением культурно-исторического наследия – оригинальной и яркой мелодии в постсовременном концерте стран и народов;
- формулирования концепции полноценного обновления, эффективность которой была бы связана не только с актуализированным инстинктом выживания, но также с удержанием/воспроизводством элитой и обществом критической массы представлений об идеалах, чести, национальном достоинстве;
- разработки дальновидного, реалистичного проекта трансформации внешней/внутренней политики применительно к новым условиям.

И умной прописи шагов-действий по воплощению национальной мечты.

I. РЕСПУБЛИКИ МНОГИХ НАРОДОВ

Динамизм новых миров всегда свидетельствует об их превосходстве над страной, откуда они вышли: они осуществляют идеал, который остальные втайне лелеют как конечную и недостижимую цель. Внезапное появление подобного общества на карте сразу упраздняет значение обществ исторических.

Жан Бодрийяр

В начале рассуждения будет присутствовать немалое количество вопросов, часть из которых, впрочем, носит вполне риторический характер.

Что движет историю? Чем определяются судьбы социальных и национальных сообществ? Как общественный идеал либо очередная утопия влияют на ритмику бытия и превратности земного быта? Каких пропорций может достигать эффект от картины будущего на настроения в обществе? Может ли духовная атмосфера концентрировать энергии, вершить революционные перемены, меняя среду, созидая нового человека? Другими словами, способна ментальная или творческая палитра прописывать лик грядущего?

Речь идет о креативном потенциале исторического гения или генома, утверждающего собственное прочтение реальности в противоборстве, «незримом бою» историософских замыслов. И его икономическом (снисходительном) отражении в практике. Порою, правда, инволюционируя до самой, что ни на есть, карикатурной ипостаси: свободные умения – опасное и обоюдоострое оружие.

Проще говоря, идеалы не просто так отражаются в жизни, но пестуют ее живой нерв, настраивая ход событий, провоцируя и продуцируя обустройстваемую умельцами реальность. Массы – это мышечная ткань интеллектуальной страты.

Мировую историю движут мировоззренческие концентраты, переплавляемые пассионариями в замыслы, маршруты миростроительства, утверждая земную версию (или тень) взыскуемого Града. Сумма опыта и видений, извлеченная из лабиринтов духовных путешествий и магмы метафизических открытий, транслируется затем политическими текстами, облекая социальной, экономической плотью Невидимый Град. Который в лоне практики – может и такое случится – станет зародышем Пандемониума.

...Придавая тем самым своеобразный культурный аромат эпохе.

* * *

В истории современности, т.е. сценографии *Modernity*, миростроительную роль сыграли многие идеологеммы: от «града на зеленом холме», «*liberté, égalité, fraternité*» до «коммунизма на горизонте». И сегодня для России актуален вопрос: какой окажется ее очередная мечта? Либо, используя конъюнктурный лексикон, – *аттрактор*, который смог бы не только отреставрировать социальную склейку, но также вскрыть горизонт, предъявив ландшафт грядущего стране и народу.

Иными словами, речь опять заходит об отыскании неуловимой национальной идеи.

Действительно, лозунги, подобные «великой энергетической державе» или «суверенной демократии» выглядят на сегодняшний день поблекшими. Они имели определенное значение, пробуждая патриотические настроения, исполняя роль той самой «склейки». Но потускнели плакатные идеалы, особенно «великая энергетическая держава», обернувшаяся в ходе кризиса нелюбимой стороной «сырьевого придатка». Ощутим пахнущий дымом ветер перемен: в различных сегментах общества витает мысль о передаче карт. Ставки делаются, будущее на кону, но характер игры, ее результаты неясны даже для именитых игроков в российском казино.

Есть у «игры» своя правда, но есть и обратная сторона: смена социосемантики, деконструкция прежней смысловой ткани чреватые серьезными рисками, а в случае ускорения процесса – деструкцией и распадом исторического сообщества.

Сознание, однако же, не выносит пустоты, психея нуждается в ориентирах – согласованных точках отсчета, координатах транслируемого извне чувства безопасности. Иначе она вынуждена прерывать тотальность сна, ощутив жар экзистенции и собственное в мире одиночество. Так что

волей или неволей, но приходится заниматься поиском средств для утоления этого специфического социального голода.

Так что, глядя в день сегодняшний, невольно задумываешься: какая же именно «программа построения будущего» – или очередной «нас возвышающий обман» – будет избрана для продвижения в общество? И, в конечном счете, утвердится в стране.

Утопии обладают способностью освобождать душу от проблем и тягот повседневности.

* * *

Новое мироустройство зиждется не столько на административно-политическом огораживании – ныне подверженном миграционной/коммуникационной транспарентностью, умаляющей национальную полноту, – сколько на заметно ином основании: особом культурном фундаментализме. На гравитации, возрастающей либо слабеющей в конкуренции социокультурных вихрей и тектонике ломающихся стереотипов.

Так дискуссии вокруг европейской конституции вращались в значительной мере вокруг приоритета античного либо христианского фундамента западноевропейской цивилизации. В истоках Европейского Союза помимо библейского, древнегреческого, римского идеалов просматриваются также контуры артурова «круглого стола», тень империи Карла, эскиз законодательной / политической перестройки континента Наполеоном. И все это приправлено калейдоскопичной трансформацией европейской среды в круговороте нынешней разновекторной миграции.

Нечто схожее можно сказать о других влиятельных игроках драматичной вселенной.

К примеру, про «Объединенные Страны Америки», основания вселенского мессианизма которых заложены еще в тексте Мейфлауэрского соглашения (декларировавшего созидание «гражданского политического сообщества для установления более совершенного порядка») или в упомянутом образе «града на холме» Джона Уинтропа. И, конечно, в документах, провозгласивших антиколониальную войну и независимость. Америка между тем «на днях» переосмыслила, расширила стилистику своих идеалов, руководствуясь *Zeitgeist*'ом мультикультурности.

Можно рассуждать также о культурном патриотизме китайской диаспоры, социальной трансформации континентального Китая, возносимого вихрем индустриального прорыва...

Тема культурного капитала России в XXI веке – это проблема исторического выживания, существования в качестве влиятельного партнера, владельца оригинальности как пульсирующей мембраны жизни. И в реестре нематериальных активов: подвижные форматы Русского/«Русьского» мира, Русская идея в самом широком прочтении, Евразийское ее толкование, многоцветная палитра Русских стран, возвращающая интегралу «русский» изначальный неэтнический, вненациональный статус, да и многое другое.

* * *

Идея той либо иной переосмысленной в духе времени сборки пространств Восточной Европы, равно как просторов Центральной Азии, ныне витает в воздухе. Но каким именно образом можно произвести реконструкцию нынешнего рассеяния?

Обновление мировидения достигается не столько растворением традиций, сколько переосмыслением реальных культурно-исторических активов. История есть социокультурный бюджет общества. Речь идет о своеобразном моменте истине, предъявлении *urbi et orbi* наличия

либо отсутствия воли народа утвердить в глобальной реконструкции собственную версию быта и бытия.

Интегральный импульс сохраняется в концептах «постсоветского», «посткоммунистического» пространства. Ощущался он в «бракоразводной» формуле не слишком внятной конструкции СНГ. Или ОДКБ, декларировавшей принципы коллективной защиты, но в недавних кризисных условиях оказавшейся недееспособной. Тяга к системным конструктам проявилась в несостоявшейся союзной государственности России с Белоруссией, в проектировании ЕВРАЗЭС, в нынешних попытках отстроить «триединое» таможенное пространство...

Параллельно токи интеграции по-иному, однако не менее настойчиво, заявляли о себе в периодически возникающих – даже до формального распада СССР – образах иных конфигураций, выстраиваемых в данном ареале, но уже по принципу *исключения России*.

К примеру, балтийско-черноморской дуги, где сходным образом формулируются и формируются геополитически, геоэкономически, геокультурно мотивированные сообщества. Скажем, подзабытое, менявшее состав, но сохраняющееся объединение ГУАМ. Или возникшее незадолго до кризиса европейской экономики, отодвинутое обстоятельствами, однако способное проявить «второе дыхание» Восточноевропейское партнерство.⁵

В общем, реконструкция восточноевропейского, равно как всего постсоветского, постсоциалистического массива – *исторический* императив, который тем или иным *политическим* образом будет реализован в формате новой *цивилизационной* логики социокультурных интегрций.

Тем или иным геополитическим и одновременно – высокотехнологичным образом.

Так что разговор косвенно идет о современном поколении высоких социальных / гуманитарных технологий. О новой упаковке знания. О поисках эффективной методологии познания и действия в ситуации исторической неопределенности.

* * *

И об основаниях.

Если говорить совсем коротко, но отчасти повторяя сказанное, то логику борьбы России за будущее в стремительном веке можно пытаться определить следующим образом: Русский мир – историческая и цивилизационная платформа, на которой может выстроиться социокультурный, политико-экономический комплекс, сопоставимый, по крайней мере, теоретически, с такими гигантами, как США, ЕС или Китай.

У интеграционного ресурса несколько уровней и аспектов, которые могут быть реализованы в зависимости от интеллектуального и политического мастерства элиты, а также – пассионарности народа.

При этом сам процесс формального конструирования способен придать импульс социальному и ментальному обновлению за счет прояснения исторического сознания, переосмысления идентичности. Но главное – переноса акцента мысли и действия из прошлого в будущее, т.е. своеобразного списания «исторических долгов» и актуализации «потенциальных активов» судьбы.

⁵ См. Александр Неклесса. Другая Европа. Линии размежевания и интеграции в третьем тысячелетии: старые и новые. – Независимая газета. 2009-04-10. (http://www.ng.ru/ideas/2009-04-10/8_europe.html).

Речь, повторю, идет о критическом моменте выбора Россией – и шире, Русским миром – своего места в будущем, *актуального его представления* в виде концепции, стратегии либо общекультурного проекта. А также развернутого алгоритма действий, т.е. росписи конкретных и последовательных шагов по реализации.

ЭНЕРГИЯ КУЛЬТУРЫ

Действовать – это значит решаться
думать иначе, нежели думал прежде

Мишель Фуко

Участь сражения решается одной минутой,
одной мыслью – нравственною искрой

Наполеон

Власть не может удерживаться лишь силой, по крайней мере, в нынешнем мире.

И даже эффективная власть реализует скорее контроль, нежели управление. Для успешного управления необходима развитая социальная инфраструктура. К тому же в подвижном, изменчивом, многофакторном мире проблема управления заметно усложняется и диверсифицируется.

Для создания «хорошо темперированной» социальной гравитации необходимо производить идеи, постулаты, перекраивать картографию прошлого и будущего, формулировать правовые нормы, причем, таким образом, чтобы они воспринимались как естественные производные господствующих культурных кодов. Или не слишком им противоречили.

Но для этого как обществу, так и власти необходим обширный культурный капитал. Иначе социокультурное притяжение других планет, поглотит прямой и латентной эмиграцией наиболее живые, деятельные сегменты, лишённые комплекса самоубийцы, оставляя на обезлюдившем «обитаемом острове» неорхаизированных люмпенов независимо от их силового или финансового статуса.

Так что, независимо от успеха или неудачи в реализации амбициозной стратегии – или строительства интегральной конструкции – обретение и наращивание культурного капитала в нынешних обстоятельствах *важно само по себе*, а не только как эффективный инструментарий.

Другими словами, культурный капитал становится базовым стратегическим ресурсом общества в новом веке. Альтернатива его дефициту – социальная катастрофа.

Однако прозвучавшие в начале рассуждения вопросы могут быть утилитарно переформулированы, а ответы на них – «упрощены».

Что за «преlestная утопия» в таком случае пленит осиротевшие народы, населяющие страну? Насколько эффективным будет «постиндустриальное изделие»? Будет ли оно качественным? Либо мы узрим множество пафосных плакатов, экзотичных концептов, небрежных заплат, демагогических практикаблей, мегаломаничных симулякров, что, в конце концов, сделает неизбежным форсаж центробежной энергетики со всеми вытекающими следствиями.

Или все-таки случится нечто иное.

* * *

Иное per se не является непосредственным объектом данного рассуждения, поэтому сюда мы заглянем лишь «одним глазком».

В сложном мире интеллектуализм отодвигает на обочину механицизм прежнего аппарата управления. Который не в состоянии справиться даже не с перманентно возрастающей нагрузкой, но с принципиальным изменением характера деятельности, прогрессией бытия, императивом выстраивания/поддержания непростых отношений с многомерным социумом, удержанием позитивного баланса в глокализованном и диверсифицированном мире. И с приходом иного.

Плоть интеллектуализма – не государственные институты, но другая ипостась страны: комплексное общество, деловое и гражданское, национальное и трансграничное, моральное и креативное, хранящее основы культуры, созидающее обновленные, динамичные формы социальной практики и солидарности. Перманентная революция – органичная стихия этой субстанции.

Интеллектуализм заметно более гибок, протееобразен, он органичнее подвижному вселенскому строю, нежели ригидный бюрократический аппарат, обретающий привкус второсортности, постоянно фрустрируемый и находящий временный выход в повышении градиента жесткости, демонстрации силы. Но порою ощущающий себя на грани институциональной бездны.⁶

Реализовать гармонию нового строя он, однако, не в состоянии. Тем более – управлять ею. Гибкость отчасти замещается и подменяется особой неформальной системой отношений – «цивилизованной коррупцией», т.е. выстраиванием своеобразного паллиатива возможностям интеллектуализма. Это, однако, временная лазейка, причем достаточно примитивного толка.

Но и капитализированный усложнением персоны, форм деятельности, топологии мирового порядка интеллектуализм имеет границы власти.

Рубежи очерчены самим конструктивным характером когнитивности, ее органичной склонностью к миростроительству, растворенной в наличествующей либо отстраиваемой культуре дискурса. Противостоит же данной социальной силе – *предельно иной* контркультурный тип, обитающий по ту сторону огненного рубежа: дискретный, а порою прямо деструктивный подход к бытию. Элементы радикального преобразования эйдоса – негативная диалектика, антитезис как гиперфункция, деконструкция как абсолют таят в нетях собственную развилку истории.⁷

Обитатели невидимой стороны экзистенции, обладатели «темной энергии», лишены интеллектуального снобизма, кокона политкорректности. Их моделирование пандеи воплощено в эксперименте – прямом действии, т.е. предъявлении городу и миру не столько опыта, сколько самого лишенного сантиментов действия.

При этом прежние параметры восприятия могут оказаться слишком узкими.

* * *

Другими словами, в стратегическом отношении основной оппонент сложного социокосмоса – не национальное государство.

⁶ См. Александр Неклесса. Трансфинитная экономика. // Экономические стратегии. – М. 2010, №3. С.18-24. (http://www.intelros.ru/intelros/biblio_intelros/budushhee-kak-predchuvstvie/4306-transfinitnaya-yekonomika.html).

⁷ См. Александр Неклесса. Цивилизация смерти // Эсхатологический сборник. – М., 2005. (http://www.intelros.ru/2007/02/28/aleksandr_neklessa_civilizacija_smerti.html).

Оно уже не левиафан в прежнем облики; облаченный в жесткую, чешуйчатую шкуру сей подвид зверя если и не издыхает, то явно страдает ожирением, мучается отдышкой. Этатизм пережил взлет и падение в XX веке, достигнув апогея в феномене аппаратного/корпоративистского строя: различных типов номенклатурного (административно-партийного) механизма профессиональных управленцев, этих «инженеров национального общежития». ⁸ Однако его, то ли предсмертные, то ли предродовые судороги принадлежат уже иной культуре. ⁹

Реальная контрсила и оппонент интеллектуализма – обездоленная, т.е. лишенная прежних отношений с контекстом, либо прямо взорванная, структурность: отрицание пестуемого на протяжении тысячелетий социального конструктивизма. Это контрсила – освобожденная, самоценная, энергичная аномия, тотально заминированное «фазовое пространство», рождающее вихри динамического хаоса: максимально подвижные, судорожные, порою умирямые, но отнюдь не эфемерные смерчи бытия.

Взаимодействие сил в данном критическом регистре практики, стремясь побороть и окоротить оппонента, провоцирует радикальность и продуцирует творческий взлет, выводя из тени на арену борьбы титанов, в ходе которой совершается деконструкция истории, утверждая строй, кардинально меняющий правила Большой игры на планете.

* * *

Итак, вновь обратимся к ключевому для настоящего рассуждения вопросу: какие образы конкурируют сегодня в сознании и подсознании, заполняя образующийся под нарастающий гул мата и визг бесовства вакуум? Возможно ли смутные картины «*настоящего настоящего*» декодировать, формализовать, а если да, то каким окажется добытый из глубин психеи эскиз Русского Дома?

В России, надо сказать не слишком утруждаясь, на протяжении длительного периода можно было обозначать два мировоззренческих локуса. Заметно различаясь по тональности, они, однако, чахнут в отсутствии оппонента. С определенной мерой условности их можно определить как «западников» и «славянофилов», но прошедших сегодня своего рода апргрейд, трансформировавшихся, либо пытающихся трансформироваться применительно к эпохе. Привнося при этом в общество свойственный им дух, атмосферу, идеалы.

С некоторых пор присоединены к списку и «евразийцы», и сторонники «красного проекта»... Естественно, тоже аранжированные в соответствии со временем и прагматично упакованные в концепты, прогнозы, планы.

Но в постдемократическом мире привычное размежевание на «либералов» и «консерваторов», «левых» и «правых» сродни мучительному выкладыванию мозаики из лишенных прежней опоры смыслов.

Преимущество же в опознании перспективы по степени публичности и внятной вербализации – что, однако, не означает *практическую реалистичность* и *общественное признание* – имеет провозглашенный «план модернизации России», фокус которого: проект Иннограда в Сколково.

⁸ См. Александр Неклесса. Новый амбициозный класс. Кто осуществит новую сборку мира? // Политический класс. – М., 2007, №9. (http://www.intelros.ru/intelros/biblio_intelros/budushhee-kak-predchuvstvie/1423-aleksandr-neklessa-novyyi-ambicioznyj-plan-kto-osushhestvit-novuju-sborku-mira.html).

⁹ См. Александр Неклесса. Новый амбициозный план. Проекция и чертежи новой сборки мира. // Политический класс. – М., 2008, №1. (http://www.intelros.ru/intelros/biblio_intelros/budushhee-kak-predchuvstvie/1748-aleksandr-neklessa.-metamorfozy.html).

Другое, а именно связанное с национальной традицией направление, пока не столь внятно. В нем смешаны, частью совмещены концепты, сопряженные с державными, общественными, духовными доминантами. Прочитанные довольно несхожим образом: в диапазоне от советско-технократического идеала до державно-националистического и церковно-монархического.

Все же и здесь можно выделить несколько ключевых проектов, позволяющих ощутить вибрации, опознать семантический интеграл в пестром архипелаге особых территориальных образований, рассматриваемых как потенциальные элементы национальной конфигурации.

Это, к примеру, план масштабной реконструкции Соловков и, возможно, Валаама. Продвижение в списке реформируемых наукоградов многогранного Сарова, равно как развитие иных интеллектуальных поселений. А также комплексная реконструкция ВВЦ-2, в том числе как творчески-рекреационного центра (ТРЦ-2) – *столицы* нового поколения. Наконец, проект строительства православного собора и российского культурного комплекса в сердце Парижа, что переводит разговор непосредственно в контекст Русского мира.

Фокусировки социогенов разнородны и подчас конъюнктурны. Их соцветия эклектичны, калейдоскопичны. И, конечно, перечисление – весьма лапидарная аранжировка темы. Знаковых событий в обозначенных регистрах заметно больше.

Но при всей неполноте, несовершенстве приведенных образцов именно в данном реестре осязатима генетика потенциальной стратегической инициативы.

* * *

У проблемы имеется еще одно измерение.

Проекты планируются и осуществляются (если осуществляются) в мире, переживающем социокультурную реформу. А посему приходится размышлять о комплексном подходе, который учитывал бы не только *историю*, свою либо общую, но *перспективу*, что вновь подводит нас к теме Русского мира.

Необходима содержательная полемика и о *предельных основаниях*, и о *дальнем горизонте* темы, поскольку речь идет о попытке определить исторический замысел, создать дорожную карту, которая должна учесть реально складывающуюся ситуацию. То есть отыскать для России в «кипящем и яростном мире» путь с внятной и желательной позитивной перспективой. Это в идеале.

Задача серьезно осложняется дефицитом национального субъекта для амбициозного действия. И, между прочим, отсутствием внятной ретроспективы.

Тут я вновь возвращаюсь к своей трактовке Русского мира как «республики многих народов» – альтернативе, скажем, транзитному СНГ, Восточноевропейскому партнерству либо полузабытому осколку черноморско-балтийской дуги ГУАМ'у.

Учитывая к тому же подвижки в механике мировой и европейской сборки: явление миру «глобальной державы», «мировых регулирующих органов», «государств-корпораций», «геоэкономических ареалов», «субсидиарных субъектов», «несостоявшихся государств», «непризнанных суверенов». И, что ближе к теме – «стран-систем». ¹⁰

¹⁰ См. Александр Неклесса. Государство и корпорация. Облик меняющегося мира в XXI веке определяют новые формы социальной организации. – Независимая газета. 2007-06-15. (http://www.ng.ru/ideas/2007-06-15/11_corporation.html).

ЧТО ЕСТЬ РОССИЯ?

От края до края своих равнин, от берега до берега морей,
Россия внемлет всемогущему голосу Бога, который обращается
к человеку, возгордившемуся великолепием жалких своих городов...
Удивительно, как мощно одарены нации от природы: на протяжении
более чем столетия благовоспитанные русские — знать, ученые,
власти предрержащие, только тем и занимались, что кланчили идеи и
искали образцы для подражания во всех обществах Европы.
И что же? Смешная фантазия государей и придворных не
помешала русскому народу остаться самобытным.

Астольф де Кюстин

Право на достойное будущее страны обеспечивается далеко не только конкурентоспособностью экономики или боеспособностью ее вооруженных сил.

Скорее эти качества – производное от социального и культурного статуса общества, а также – калибра правящего класса, его интеллектуального и властного мастерства. Ибо продукция, создаваемая правителями, если можно так выразиться, постиндустриального свойства: она нематериальный, творческий ген, публичное достояние, вокруг которого выстраивается общественный организм со всеми присущими ему достоинствами и недостатками.

Но и здесь существует свой *haute couture, prêt-à-porter* и, к сожалению, дилетантство и профанация.

Другой фермент, определяющий положение страны в человеческом сообществе – энтузиазм и самоощущение народа, сопряжение исторической идентичности и токов новизны.

Культурный, интеллектуальный статус нации, миростроительный горизонт, трансценденция обстоятельств, преодоление неурядиц, социальная ответственность – долг и добродетель не только правителей, но и граждан. Качество элиты – в конечном счете, производное от самоосознания и активности народа, это проецируемый в окружающий мир и будущее образ страны. На каком языке говорит сегодня Россия, о чем ее речи, кто прислушивается к ним на планете?

Мысль, творчество, душевное усилие – энергии, сопричастные как идеальным мирам, так и земной практике. Люди не механизмы, их судьба не фатальна; история – просторная дорога, уходящая вдаль по ту сторону распахнутой двери, но одновременно это метафизический процесс, питаемый культурным наследием, токами *настоящего* и образами грядущих свершений.

* * *

Будущее определяется не только прошлым, однако и прошлое странным образом зависит от будущего.

Национальные проблемы в разные времена решались различными способами. Выбор адекватного инструментария, эффективного для транзитных эпох – искусство особого рода, которое включает предвидение событий и освоение перемен, интеллектуальную мобилизацию и моральную реформу, а также удержание в узде – на основе справедливости и правопорядка – рвущихся на волю инстинктов несовершенного естества.

Иначе говоря, ограждение от зла и деградации имеет источник не только в общей инерции цивилизации, но и в живой ткани общества, а, главное, внутри персоны.

Поэтому сила верного действия, плодотворного порыва, проявлений управленческого таланта и высоты духа, полноценного законотворческого действия и, что немаловажно, его исполнения, наконец, просто умного слова – равно как живой мысли, распознающей обстоятельства времени, а не плодящей конъюнктурные клише, лозунги, стереотипы – из числа могучих средств трансформации страны и возрождения народа.

* * *

Россия в настоящий момент экономически используется окружающим миром, но культурно им отторгается.

Предъявление, прежде себе самой, но и, как уже упоминалось, *urbi et orbi*, современного прочтения *загадочной русской души*, ее ценностей, мировоззрения, мироположения, внятных правовых, социальных, политических прописей, горизонтов развития, культурного круга и оригинального проекта – задача со всей очевидностью востребованная обществом и временем. То есть актуальная, если не сказать больше.

Однако интеллектуальная и смысловая растерянность нынешнего российского общества велика.

Все большее беспокойство вызывает социокультурная ситуация в стране. Противостоять деградации российских душ и неоархаизации обширных пространств может и должна национальная реформация, обновление политологической рефлексии и политической практики, прочерчивание смыслового вектора, сформулированного образованной частью общества, поддержанного народом и размыкающего горизонт не слишком приглядного будущего.

Речь, в сущности, идет о социальной и культурной революции, о сопряжении со стремительно меняющимся глобальным ландшафтом, о растущих ставках и уровнях риска, о новой методологии познания и действия в условиях складывающейся на планете стратегической неопределенности.

Смена устаревшего, не соответствующего эпохе и ее реалиям языка, артикуляция российской политической философии, формулирование внятного проекта – т.е. доктрины действий, учитывающей драматичные перемены – равно как завоевание интеллектуального и нравственного авторитета в мире – несомненные национальные приоритеты.

В общем, необходимость интенсивного, не поверхностного, не демагогического, но содержательного и реалистичного разговора на эти, далеко не всегда удобные темы слишком давно назрела.

* * *

Утрата смыслового вектора усилила необходимость поиска национальной идентичности в новом веке, определение формулы государственности в формате Россия-РФ.

Что есть Россия? Действительно, сложный вопрос, на который вряд ли можно дать однозначный ответ. Подобный вопрос, особенно в «эпоху перемен», предполагает непростую формулу ответа. Тем более что исторический опыт свидетельствует о различных ипостасях и версиях Руси, России, о сосуществовании типологически разных *русских стран*. Причем не только в историческом, диахронном русле, считая от мозаики Киевской Руси и региона Ордынского улуса, (Ордынская Русь на европейских картах даже позднего времени) Московского царства и Российской империи до России-СССР и России-РФ.

Но также в географическом, пространственном прочтении данной темы: северо-восточной Московии, обширной северо-западной Новгородской и Псковской республик, южно-западнорусского государства Великого княжества Литовского и Русского, а впоследствии – Малой, Червонной и Белой Руси. Не говоря уже о легендарной юго-восточной Тмутарокани, других восточных землях и азиатских подданствах.

А глядяваясь вглубь веков, можно припомнить смутные воспоминания и воспроизвести отрывочные сведения о Порусье и Борунии, Рустингене и баснословном острове Буяне/Руяне, о море Руссов и Росском каганате (*Rús, Rhos, Rus, Rus', Rusj, Rusy, Ruth, или восточные: ar-Rus – «ар-Русийя», Рохс*)...

И, наконец, вспомнить о различных казацких – січевых, кошевых, крайних, литовых-береговых – множествах и политиях.

Но если человеческая память избирательна, то память политическая избирательна вдвойне и втройне. И наиболее уязвимой оказалась в чем-то подзабытая, а отчасти искаженная история *Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского*, во многом альтернативное Московии русское государство Средних веков...

* * *

Кстати, кое-что из обширного наследия и хозяйства сохранялось в титуловании российского государя.

Во времена и некоторое время спустя после ордынского нашествия именование «Русь» удерживается за юго-западными землями, связанными с Великим княжеством Литовским и Русским. Правитель же, объединявший северо-восточные земли, именуется «великим князем Московским».

Но «в 1493 г. Литва и Москва начали переговоры по поводу заключения договора, который должен был положить конец невыносимой ситуации необъявленной пограничной войны. Чтобы обеспечить лучшие взаимоотношения с Москвой, литовцы предложили соединить браком дочь Ивана III Елену с великим князем Александром Литовским. На этих переговорах Иван III впервые в отношениях с зарубежным государством назвал себя "Государем Всея Руси". Однако формулировка "Всея Руси" не являлась изобретением Ивана III. Его предок Иван I Калита (великий князь владимирский, 1328-37, 1339-40 гг.) включил ее в свою титулатуру, следуя образцу титулов русских митрополитов. Позднее формула несколько раз появлялась в титуле московских великих князей в межкняжеских договорах, как, например, в договоре великого князя Симеона с его братьями (приблизительно в 1350 г.); в договоре Василия II с его братом Юрием (приблизительно в 1390 г.); в нескольких договорах Ивана III с удельными князьями (в 1483-86 гг.). Но в 1493 г. Иван III впервые включил выражение "Всея Руси" в свой титул на переговорах с иностранным государством, и, что особенно важно, на переговорах со страной, относительно которой оно звучало как вызов, поскольку правитель этой страны сам имел слово "Русь" в своем титуле (Великий Князь Литовский и Русский)». ¹¹

Полный титул Ивана Грозного писался уже следующим образом: «Божиею милостию, Великий Государь Царь и Великий Князь Иван Васильевич всея Руси, Владимирский, Московский, Новгородский, Царь Казанский, Царь Астраханский, Государь Псковский, Великий Князь Смоленский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных, Государь и Великий Князь Новагорода Низовския земли, Черниговский, Рязанский, Полоцкий, Ростовский, Ярославский, Белоозерский,

¹¹ Г.В. Вернадский. Россия в средние века. – М., 1997 (1958).

Удорский, Обдорский, Кондийский и иных, и вся Сибирская земли и Северныя страны Повелитель, и Государь земли Вифлянской и иных».

Россия же появляется впервые в титуловании Дмитрия, правда, если вчитаться, в не вполне привычной атрибуции: *«Мы, пресветлейший и непобедимейший Монарх Дмитрий Иванович, Божию милостию, Цесарь и Великий Князь всея России и всех Татарских царств и иных многих Московской монархии покоренных областей Государь и Царь».*

Наконец, титул Алексея Михайловича звучал так: *«Божиею милостию, Мы, Великий Государь Царь и Великий Князь Алексей Михайлович, всея Великия и Малыя и Белья России Самодержец Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Сибирский, Государь Псковский и Великий Князь Литовский, Смоленский, Тверский, Волынский, Подольский, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных, Государь и Великий Князь Новагорода Низовския земли, Черниговский, Рязанский, Полоцкий, Ростовский, Ярославский, Белоозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский, Витебский, Мстиславский и всея Северныя страны Повелитель, и государь Иверския земли, Карталинских и Грузинских Царей, и Кабардинския земли, Черкасских и Горских Князей и иных многих государств и земель, восточных и западных и северных, отчич и дедич, и наследник, и Государь, и Обладатель».*

А в полном титуле российских императоров¹² содержится уже 53 члена.

Вспомним также титулование Патриарха Никона как *«Божиею милостию Великий Господин и Государь, архиепископ царствующаго града Москвы и всеа Великия и Малыя и Белья Росии и всеа Северныя страны и Помориа и многих государств Патриарх».*

* * *

Переливающиеся соцветия русской радуги, кажется, дают возможность опрокинуть в будущее переосмысление истории и представить рубежи новой «сборки» полифоничного Русского мира.

Увидеть скрытые ходы и одновременно горизонты «сослагательного наклонения истории». Впитать опыт ее судьбоносных и роковых развилок, проявившихся, к примеру, в политически ориентированных династических (марьяжных) конструкциях.

Справка: *Это браки, в которых наследовались княжеские и королевские короны, формировались личные и государственные унии. Так было, когда венчались дочь Миндовга, великого князя Литовско-Русского, и сын Даниила Галицкого - Шварн, в результате чего последний на некоторое время стал великим князем. Или можно припомнить несостоявшийся семейный союз великого князя Ягайло и дочери Дмитрия Донского. Ягайло выбрал тогда другой путь: женился на Ядвиге, дочери Людвиг Великого (Лайоша I), короля Венгрии и Польши из Анжуйской династии, приняв имя Владислава и став королём Польши. Был и «компенсирующий» союз, когда его двоюродный брат Витовт Великий отдал дочь замуж за сына Дмитрия Донского. Эти браки обусловили появление и служили гарантией двух ключевых международных договоров Восточной Европы того времени: Кревской унии Литвы и Польши и Островского соглашения Литвы и России.*

¹² Что отчасти напоминает процесс становления именованная Священной Римской империи (*Sacrum Romanum Imperium*) в 962 г.

Можно вспомнить примечательную, но нередко превратно толкуемую историю Смуты начала XVII века – с интригой венчания на московский престол Димитрия и Марии. И последующую попытку избрания царем сына польского короля Сигизмунда III Владислава Вазы¹³ (который, в конечном счете, стал польским королём Сигизмундом IV), что, однако, противоречило интересам Англии, поскольку закладывало основу континентальной супердержавы с обстоятельным присутствием в Европе и контролем над обширными торговыми путями. В результате страна стала полигоном столкновений наемников различным образом ориентированных политических партий.

Справка: Торговые отношения с Англией развиваются со второй половины XVI века, после квази-посольства Ченслера (пытавшегося в 1554 г. через Северный морской путь найти дорогу в Индию, но попавшего в устье Северной Двины), когда английские купцы получают право на ведение беспошлинной торговли (в преддверии Ливонской войны и в качестве амортизатора попыткам морской блокады Москвы). В Лондоне образуется Англо-Московская компания (первая подобного рода, опережая на десятилетия Ост-Индскую). В Архангельск в шестидесятые годы приходит ежегодно по 10-14 кораблей. Некоторое время торговля поддерживается также через Нарву. Из Англии идет снабжение оружием и металлом для ливонской войны, военными специалистами, мастерами корабельных и иных дел. В свою очередь Англии были предоставлены беспрецедентные по тем временам права на беспошлинный провоз товаров на Кавказ, в Центральную Азию, Персию, Индию и Китай, а также возможность создания собственных промышленных предприятий, чеканки монеты, пользования ямскими лошадьми и вообще – свободный транзит в другие страны. Тесные связи доходили до матримональных намерений царя к «деве-королеве» и планах на случай вынужденной эмиграции. Иван IV пытался вести переговоры об антипольском союзе Москвы с Англией, которая обещала предоставление ему политического убежища при неблагоприятном развитии событий в России. В свою очередь Иван посылал сватов (посольство во главе с Ф.А. Писемским) уже к племяннице Елизаветы Мэри Гастингс, но вскоре, несмотря на успешное развитие сюжета, скончался. Изменение же геополитической конфигурации Восточной Европы в случае поставления на царство по приглашению московского боярства Владислава Вазы поставило бы значительные привилегии Англии под удар. Посему Англия поддержала антилитвинскую группировку, включая формирование ополчения, что позволяло нанимать князей и вооружать земство.

Поиск содержательного, полноценного ответа на вопрос о культурно-исторической сущности российского организма – обладающего специфическим миропониманием, собственной формулой миростроительства, а также колоссальной территорией, однако, весьма непростой для освоения – отчасти напоминает юридическое расследование, в ходе которого фиксируются не только внешние обстоятельства, но и внутренние мотивации поступков.

Так же в ходе социально-исторического исследовательского процесса, в присутствии своего рода присяжных заседателей (народа), порой обнаруживается подлинная суть событий.

¹³ Сын польского короля Сигизмунда III, представитель скандинавской династии, приглашенный на царствование при условии принятия им православия московскими боярами (баронами) с целью прекращения смуты.

РУССКИЕ СТРАНЫ

За трапезой земной печально место ваше!
Вас горько обошли пирующею чашей.
На жертвы, на борьбу судьбы вас обрекли:
В пустыне снеговой вы – схимники Земли.

.....
Бог помощь! Свят ваш труд, на вечный бой похожий...

Петр Вяземский

Когда-то о «*русских странах*» писали еще в средневековой Европе. Правда, имелись в виду, скорее всего княжества, торговые «города-республики» и т.п.

Так, в послании папы Гонория III (февраль 1227 г.), адресованного «*ко всем правителям Руси (Руссии)*» (*Universis regibus Russiae*), предлагается «*русским царям*» сохранять прочный мир с католиками Ливонии и Эстляндии. А в 1246 году папа дает право архиепископу Пруссии, Ливонии и Эстляндии поставлять епископов в «*русских странах*».

Но вот цитата из Никоновской летописи, относящаяся к иным временам (1530 г.): «*да не погибнут без пастыря не точию едины Русские страны, но и вси православнии*». А Румянцевский летописец в XVII веке пишет «О стране Сибирской и о сибирском от Ермака взятии»: «*И реки многие истекоша, одни поидоша в Русские страны, другие – в Сибирскую землю. В реках же камень великое зело, реки же прекрасны, в них же воды сладкие, и рыб различных множество, и луги многие, и места скотопитательные, пространны зело*».

Историк и писатель Карамзин в начале XIX века по-своему аранжирует мелодику *русских стран*, подтверждая, однако же, присутствие самой темы в общественном сознании: «*Стоя на сей горе, видишь на правой стороне почти всю Москву, сию ужасную громаду домов и церквей, которая представляется глазам в образе величественного амфитеатра: великолепная картина, особливо, когда светит на нее солнце, когда вечерние лучи его пылают на бесчисленных золотых куполах, на бесчисленных крестах, к небу возносящихся! Внизу расстилаются тучные, густозеленые цветущие луга, а за ними, по желтым пескам, течет светлая река, волнуемая легкими веслами рыбацких лодок или шумящая под рулем грузных стругов, которые плывут от плодоноснейших стран Российской империи и наделяют алчную Москву хлебом*».

В дискуссиях постсоветского бытия совершается постепенная реабилитации исторической памяти. Приоткрывается забытое/закрытое равно в СССР и Российской империи летописание о множественности родоначальников и наследников «*всёя Руси*». ¹⁴

* * *

Речь идет об уже упомянутом выше многоцветном спектре «русской радуги»: о Руси Малой и Великой¹⁵, Червоной (*Russia Rubra* – «*Червона Рута*»), Рутении (*Ruthenia*), Рустении, Галиции¹⁶, о

¹⁴ См. также: А.И. Неклесса, А.Н. Окара, М.В. Боргулев. Русские страны: цивилизационные альтернативы. (<http://www.intelros.ru/subject/belorus/3360-russkie-strany-civilizacionnye.html>).

¹⁵ Названия Малая Русь и Великая Русь ведут свою родословную от византийских категорий *Μικρά Ρωσία* и *Μακρά Ρωσία*, которые использовались в церковно-административной практике, начиная с XIV века. По аналогии с терминами «Малая Греция» и «Великая Греция» ромей-византийцы под «Малой Ро́ссией» понимали метрополию, т.е. центр Руси (Южную Русь, современную Украину), а под «Великой Ро́ссией» — русские земли в широком смысле. Иначе говоря, территорию епархий, «окормляемых», находящихся под

Закарпатье и Подкарпатской Руси, о пространствах Семигалии и Краины, Руси Белой и Черной, Нижней и Поморской, Северо-Западной – Псковской и Новгородской.

Территория Великого Новгорода занимала обширную часть северо-западной Руси и с течением времени распространилась до Белого моря и далее на восток за Уральский хребет. Делилась на «пятины»: *Вотскую* (около Ладожского озера), *Обонежскую* (до Белого моря), *Бежецкую* (до Мсты), *Деревскую* (до Ловати), *Шелонскую* (от Ловати до Луги). И так называемые новгородские волости: *Заволочье* (по Северной Двине от Онеги до Мезени), *Перь* (по Вычегде и верхней Каме), *Печору* (по Печоре до Уральского хребта) и *Югру* (за Уральским хребтом). Центром этой специфической государственности были окрестности озер Ильменя и Ладожского.

Что же касается Поморья, то, как писал Татищев: «*Общее имя Поморие, а по уездам: Архангельской, Колмоград, Вага, Тотьма, Вологда, Каргополь, Чаронда и Олонец... Есть северная часть России, в которой все по берегу Белого моря и Северного моря от границы Карелии с финнами на восток до гор Великого пояса или Урала заключается. К югу же издревле русские поначалу часть по части овладевали и к Руси приобсчали. Ныне же все оное и есче с немалою прибавкой под властью Поморской губернии состоит*».

Плодотворным поводом для размышлений о путях политического и тропях социального строительства оказывается генезис Новороссии (Новой России) и Кубани. Заодно можно вспомнить малороссийское разноцветие иных колонизируемых в Великороссии земель: Зелёный Клин (Забайкальский, Приморский, Хабаровский край, Амурская и Сахалинская области), а также Жёлтый Клин (среднее и нижнее Поволжье), Малиновый Клин (Кубань), Серый Клин (юг Западной Сибири и Северный Казахстан).

Или таких экзотичных социодизайнов, как *Желтороссия* – наследие напрочь забытого дальневосточного проекта генерала Гродекова (и альтернативного по исполнению, но аналогичного по содержанию проекта Витте). Это не слишком распространенное определение «русской Маньчжурии» и отчасти Туркестана в перспективе могло объять пространства внешней Монголии, северо-восточного Казахстана, Южного Урала, а возможно и сопредельных степных территорий Поволжского левобережья и Калмыкии.

В прилежавших к Поволжью просторах буддийско-ламаистская этноконфессиональная множественность «русских бурят» и «русских калмыков» смыкалась с исходящими из Крыма идеями Исмаила Гаспринского о «русском исламе».¹⁷

* * *

При этом получали шанс на разрешение весьма острые, проблемные ситуации.

властью киевского митрополита. Схожие по смыслу выражения можно обнаружить и в других языках и культурах: ср. «Срединный Китай» и «Большой Китай».

¹⁶ Галицкие (галицко-волинские) князья в XIII-XIV вв. именовали себя «*Rex Russiæ*», «*Dux totius terræ Russiæ*», «*Dux et Dominus Russiæ*», «*Dux totius Rusiæ Minoris*» (т.е. «король/князь *всей Русу/Малыя Русу*»). Вот запись из Галицко-Волинской летописи: «*В лѣто 6709 начало княжения великаго князя Романа, како державего бывша всей Руской земли князя галичкого. По смерти же великаго князя Романа, приснопамятнаго самодержьца всей Русу <...>*».

¹⁷ См. Исмаил Гаспринский. Русское мусульманство. Мысли, заметки, наблюдения. (<http://www.intelros.ru/index.php?newsid=200>).

По мере продвижения государства на огромные территории удалённого и мало заселенного Дальнего Востока и необходимости удержания империи в условиях фактически прозрачных границ, проявлялось метакэкономическое, социополитическое значение таких деяний, как «прошивка» России Транссибирской магистралью. Или геополитически/геоэкономически мотивированное закрепление (техническое и правовое) идеи «КВЖД».

Некоторые отзвуки проекта сохранились, кстати, в планах переустройства России Петром Столыпиным.¹⁸

Справка: Дальневосточная композиция выстраивалась в ходе войн, из которых мы помним третью: 1903-1904 гг. Однако уже в ходе первой — китайско-японской (1894-1895 гг.) был захвачен Порт-Артур, выкупленный затем для России на французские деньги и в обмен на Формозу (Тайвань). Вторая война 1900 года известна как «восстание итэхуаней» либо как «посольский инцидент в Пекине». Но менее знакомы штурм Благовещенска или массовое истребление христиан в Китае. Это контекст, в котором вызревал проект «Желтороссии», касавшийся будущности Уссурийского и Урянхайского края¹⁹ (Тувы), Порт-Артура и Маньчжурии, Квантунской области и Синьцзяна, Внешней и Внутренней Монголии, других территорий, на которые претендовала или предполагала претендовать Россия. Проект вырос из логики развития Транссибирской магистрали, что, кстати, имело побочный эффект в международных отношениях: выдвигении в Гааге Николаем II плана «всеобщего разоружения и вечного мира». Целью инициативы было сосредоточение финансовых средств для железнодорожного строительства и прорывного освоения Дальнего Востока. Другой компонент плана: сложная композиция планируемой КВЖД, включавшая полосу отчуждения на десятки километров от полотна, где действовали не китайские и не российские законы, а «устав» — свод регламентаций, заменявший национальные законодательства. Предусматривалось возведение нескольких десятков городов, а строительство Харбина привязывалось одновременно к реке Сунгари, создавая, таким образом, опору сразу на два путепровода. Управление территорией должно было осуществляться российскими военными комиссарами, для чего создавались особые войска: сунгаринское казачество и корпус пограничной стражи. Предполагалось массовое переселение кубанского казачества, переброска морским путем иных казачьих частей. Невольно возникают параллели с практикой компаний, наподобие Ост-Индской, либо госкорпораций с их особыми привилегиями, частными армиями и анклавными хозяйствами уже в наши дни.

Это также достаточно искусственные, пунктирные топонимы, вроде специально измышленного для Сибири — Зеленороссия (Зелёная Россия) или Голубороссия (Голубая /Голубиная/ Россия) — для Поморья. Еще с начала XII века земли по южному берегу Белого моря являются владениями Новгорода Великого. Эти земли и есть собственно Поморье, называвшееся также

¹⁸ См. Александр Неклесса, Леонид Юзефович. Желтороссия — дальневосточная утопия России. (http://www.intelros.ru/subject/karta_bud/3458-zheltorossija-dalnevostochnaja-utopija.html).

¹⁹ Присоединение которого и поныне, несмотря на недавнее завершение демаркации границы с КНР, остается непризнанным другим субъектом этой цивилизационной системы — Китайской республикой.

Заволочьем (т.е. ниже, между верховьями рек бассейнов Балтийского и Белого морей лежит водораздел, где ладьи перетаскивались волоком).²⁰

Справка: Освоению Поморья придало импульс нашествие Батые и разорение Южной Руси. Постепенная колонизация Поморья и ассимиляция финно-угорского населения привела к складыванию субэтнуса русского народа – поморов. С начала XVI в. Поморье (за четыре века значительно увеличившись по территории) входит в состав Московского государства. В это время Поморье составляло около 60% территории складывавшегося государства, а к середине XVI в. примерно половину. Во второй половине XVII в. в 22-х уездах Поморья проживало до миллиона человек. В этой части России никогда не было крепостного права, и основную массу населения составляли свободные «черносошные» крестьяне. Играло оно существенную роль и в экономике государства, особенно во внешней торговле. По аналогии с другими историческими и новыми территориями России для Поморья в XIX веке были предложены, но почти не употреблялись названия Поморская Русь, Поморская Россия, Голубая Русь, Голубая Россия, Голубороссия. (См. И.М. Ульянов «Страна Поморья».)

Можно вспомнить другое, более отдаленное «Русское море»: северную часть Тихого океана. И «Русскую Америку», простиравшуюся некогда от Западной Аляски до Форты Росс в Калифорнии... К этому сюжету мы еще вернемся.

В сумме пунктирно намеченная *разноцветная сложность* («Цветная Русь») могла выстроить совершенно иной каркас удержания полифоничного Русского мира на гребне исторической волны (или цунами) в формате новой русской интеграции или Сообщества русских стран.

II. ЦИВИЛИЗАЦИЯ МНОГИХ НАРОДОВ

Куда ж нам плыть?
Александр Пушкин

Выраженным признаком российского бытия является, пожалуй, его *пограничность*, прочерченная линиями старых и новых трансграничных и межцивилизационных трактов.

Территория России последовательно очерчивалась и прирастала в соответствии с географией «путепроводов» своего времени, перерастая в пространство рассеяния («розсіання»²¹) ее деятельного населения, которое проявляло себя как динамичное сообщество военно-торговых корпораций.

Действительно, рубежи данного пространства (территориально-деятельного комплекса) обрамлены пунктирами значимых торговых маршрутов. Начиная со знаменитого, днепровского,

²⁰ См. Александр Неклесса. Меморандум «Северо-Запад». Горизонты глокализации национальной государственности. (<http://www.intelros.ru/index.php?newsid=63>).

²¹ «*Росси від розсіання свого прозвалися*» («Синопис Киевский», 1674).

западного пути «из варяг в греки», но также «из варяг в болгары» – волжский путь, переходящий далее в путь «к персам» («серебряный путь»). А подчас и еще дальше, по следам странствий, скажем, Афанасия Никитина.

Южная граница – это, фактически, линия Великого шелкового пути. А вдоль Ледовитого океана (на картах XVII века – «Гиперборейский океан», на российских – «Море-океан», «Ледовитое море») – отмеченного форпостом русской цивилизации: северным *морским* монастырем Соловки – проходил «соболиный тракт», уходивший за Урал, в Мангазею и далее чуть ли не к водам другого – Великого океана.²²

Преодолев пределы Евразии, российская государственность в своеобразном облики (напоминавшем, отчасти, матрицу Ост- и Вест- Индских компаний) вышла на просторы континента, расположенного по ту сторону океана. А пионерские, исследовательские суда устремились далеко на юг, вплоть до берегов тогда неведомой, но вскоре открытой русскими морепроходцами Антарктиды.

Иными словами, в какой-то момент наметился контур не евразийской и даже не триконтинентальной, а уникальной трансокеанической державы.

Рассуждая о пространственных измерениях российской государственности, мы действительно забываем, что Россия исторически не только евразийское пространство, она шире. Это был прообраз страны, раскинувшейся в один из периодов истории в трех частях света и первой взглянувшей на *край* неведомой, четвертой.

Справка: *Русская Америка, охватывала Алеутские острова, Аляску, Западное побережье Америки до 55-го градуса северной широты и насчитывала 15 поселений от Ново-Архангельска на о-ве Баранов (Ситха) до форта Росс в Калифорнии. Управлялась она особым образом: посредством основанной в 1798/99 годах Русско-Американской компании. Значительная часть торговых операций велась через Кантон. О той или иной форме присоединения к этому пунктирно очерченному, но грандиозному контуру Ново-Российской интегрии задумывались на тихоокеанских просторах разные персонажи, к примеру, на Гавайях. В 1867 году Аляска была, однако, продана Александром II Соединенным Штатам.*

Перспективы этой восточной и одновременно «западной» границы империи, с мерцающими на «внутренних» берегах образами созданных, но не удержанных водных плацдармов – временами озаряемых мистическим маяком: мыслью о другой, дальневосточной столице Русского мира – предполагали альтернативный, океанический, вектор развития в тенетах, казалось бы, сугубо континентальной державности. Но все это осталось туманным, не слишком внятными миражем, историософски не осмысленным и политически не реализованным российским мегапроектом.

Между тем северная часть Великого (Тихого) океана все же получила на время – как метка несостоявшейся версии обустройства российского бытия, дерзновенное наименование «Русского моря».

* * *

²² На российских картах до 1917 г. этот океан носил также характерное название – «Восточный».

Вектор России как «страны пространств», «страны пути» был прочерчен также ее культурно-исторической миссией свидетельства о Христе на Востоке, ролью альтернативного трансграничья Большой христианской цивилизации.

Пронзив просторы Евразии, он устремился в трансконтинентальную просторность, смыкаясь там с движением в противоположном направлении («посолонь») западноевропейской ветви этой же, т.е. христианской цивилизации.

Если посмотреть на ход событий подобным образом, то и необъятность, и очертания России носят с точки зрения исторической метафизики неслучайный характер, обладая особым смыслом и культурным содержанием: территория страны, ее динамичные границы по-своему глубоко мотивированы. Иначе говоря, этот необъятный «сухопутный океан» являлся не просто «территорией» или «*географической ямой, заполненной землей и водой*». Фронтирность, запредельность, экстремальность национальной психеи находит, таким образом, не только внешнее обоснование в пассионарной экстравертности, но содержит намек на возможность трансцендентного замысла, запечатленного в специфике русского миропонимания: самоощущении судьбы страны как миссии, исполненной исторической ответственности.

Можно определить идентичность и удел России через подобное самоощущение, отмеченное «крестом» единственности и инакости, уникальности и всемирности, эсхатологичности и отверженности, возможностью свободы «в героизме и грехе» и горделивого обрушения в пропасть.

Неверное прочтение подобного неоднозначного, искусительного, метаисторического текста отзывалось в земной истории народа тяжелыми, порою катастрофическими потрясениями. А с утратой этого духа, потерей чувства и очарования *русской мечты* обесмысливались необъятные очертания государства.

И под вопросом оказывалось само существование страны как субъекта истории.

* * *

Но все же, что такое Россия? Мы видим: она – не Азия и не Европа, не Евразия и не Азиопа. И не наследница Византии. Все это внешние обличья, не открывающие внутреннюю, прикровенную суть культурно-исторического пространства.

Россия также не моноэтническое государство и не просто пограничная территория христианской культуры.

Мыслилась она своими идеологами и метафизиками как «особое место», средоточие «остатка» – остров верных, которые хранят истину в мире, заливаемом водами нового потопы. И являющихся новой общностью: именно в этом смысле – Третьим Римом, где, кстати, русские – не этнос, а *ромей*, а Русское царство – царство *Ромейское* (так, подчас, в документах и писалось²³).

²³ В ряде текстов XVI века изначально прописано «ромейское», а не «росейское» или «росийское», как впоследствии, а порою и до настоящего времени воспроизводилось (и воспроизводится), т.е. «*великое Ромейское царствие, Третьей Рим*». Другими словами, речь шла о принятии Московским царством традиции вечного «*православного царства*», где «*нести ни эллина, ни иудея*» и где «*Господь в римскую власть написася*», а не о бранных национальных/государственных оболочках. Но правильное написание оставалось забытым и неизвестным, кажется, вплоть до самого начала XX века. Интересна и более радикальная точка зрения о несознательной путанице двух греческих букв в строчном написании: μ и σ (из-за привычного Ρῶς и его производных), что породило именование «*росейское*» и логичное производное «*Россия*», закрепившееся позже, ближе к XVII веку.

Подобные культурно-исторические инстинкты и мотивации проявлялись в собирании разноплеменных народов, в прозелитических и культуртрегерских амбициях, в освоении и присвоении мозаичных восточных и южных пространств, а заодно в усвоении их опыта и умений, включая обширное «ордынское» наследие. Непростая ситуация сложилась также с «наследием византийским», но об этом чуть позже.

На протяжении длительного периода подобные миростроительные умонастроения – порой в весьма различных обликах – питали Россию, являясь подспудной движущей силой как ее внутренней, так и внешней экспансии.

Предельность и напряжение, наличествующие в ощущении метаисторической роли, предопределили широкий спектр претензий на универсальную, державную, имперскую роль и, в конечном счете, на глобальное присутствие.

Приходится, однако, еще раз подчеркнуть: подобное самосознание народа и власти, самоопределение и возвеличивание страны, уверенность в предназначенной ей «*совершенно особой воли провидения*» предполагали возможность не только запредельного взлета, но и ужасного низвержения.

СТРАНА ПУТИ

Вот – срок настал. Крылами бьет беда,
И каждый день обиды множит,
И день придет – не будет и следа
От ваших Пестумов, быть может!
О, старый мир!...
Александр Блок

Размышляя над проблемой российской идентичности, самоидентификации, можно констатировать, что Россия, в сущности, это *страна пути*. Так она исторически строилась.

Иначе говоря, странствия, дороги, дерзновенность целей, величественность горизонтов и миражей – физических и мысленных – являются для России совершенно особыми ориентирами и стимулами к деятельности. Потому, наверное, сопряженная с данными представлениями идея *развития как пути* осознается подчас в качестве русской национальной идеи. Однако лишь в метафизическом и психологическом преломлении прочитывается сокровенный смысл.

Возможно, развитие как таковое все же не является точным определением специфической черты русской ментальности. (Тем более *развитие* как *приобретение*.) Скорее здесь обитает нечто более глубинное, некая субстанция, иницирующая, порождающая само развитие, выводящая таким образом внутреннюю инициативу на поверхность. И выходящая за пределы обыденного порядка.

Другими словами, русскому характеру присуща внутренне мотивированная тяга к запредельности, экстремальности, мечте, фантазии, дерзновению.

Земное же ее воплощение – отмеченная выше *фронтирность*, являлось в свою очередь определяющим стимулом устремленности к освоению бескрайних (*о-крайних, по-граничных, рубежных, за-волочных*) просторов. И строительства специфической государственности.

В чем-то тут, пожалуй, слышится эхо американской идеи *high frontier*, «великого трека», а заодно обертоны монгольского, кочевнического идеала пути «к последнему морю».

* * *

Попутно отметим, что в историческом опыте Руси мы имеем разные типы социокультурного обустройства, *версии* русской власти.

Причем с весьма различной политической типологией и феноменологией: вечевой – в Северо-Западной (Новгородской и Псковской) Руси; феодальной, шляхетской, «магдебургской» – в Руси Юго-Западной (Малой и Червонной, Белой и Черной). Наконец, самодержавной, централизованной (административно-бюрократической) в Северо-Восточной Руси (Московии и ее восточных владениях), ставшей исторической наследницей также ордынского Белого царства и одновременно основой новой империи: Великороссии-России.

Можно вспомнить и более экзотичные политии, возникавшие и существовавшие на российских просторах, к примеру, феномен казачества с его идеалом «свободной (милитаризированной) ассоциации».

Провести же границу основного, критического социокультурного разлома можно, наверное, отслеживая рубеж генетически связанных с Европой пространств городской культуры (условно определяемой как магдебургская) и ареалов, входивших в административно-политическую, податную систему Белой («Золотой») и Синей Орды.

* * *

В «архетипическом» подходе к дефиниции русской национальной идеи присутствует, конечно же, некая провокативность.

Дело вот в чем. В процессе ставших привычными обсуждений и рассуждений на тему русской идеи то и дело приходится сталкиваться с попытками «каталогизации» формальных концепций национального идеологического/политологического извода.

Самыми яркими примерами являются, пожалуй, идеологеммы *Третьего Рима*, уваровского «самодержавия – православия – народности», *Третьего Интернационала*... Список легко и расширить, и продолжить.

Любопытно, кстати, вероятность внесения (внедрения) социокультурного гена *Третьего Рима* северо-западными персонажами Руси в качестве средства удержания восточной – в географии и политике Русского мира того времени Московии, от искушения принятия в культурно-исторической полноте наследства распавшейся и угаснувшей примерно в тот же период другой вселенской империи: Ордынского царства.

В любом случае, думаю, прорыв искусственной плаценты – собрания ярких концептов, институализированных «сверху», но не получивших развития, лишенных общественного признания, но воспринимаемых и декларируемых сегодня в качестве живых идей, выражающих-де народную психею, – преодоление подобной историософской аберрации могло бы прояснить для России ее истинный горизонт, затянутый туманом иллюзорных видений.

В качестве некоторого аналога (который, впрочем, как и все аналогии хромает) – позволяющего все же почувствовать вкус проблемы – я бы предложил задачу по определению, скажем, «национальной идеи» Древней Греции. Думаю, в подобном разговоре можно было бы

услышать весьма различные и обоснованные построения, связанные с идеями демократии, полисной культуры, философии и много тому подобного, подтвержденного развернутыми тезисами и яркими афоризмами.

Но к той же проблеме опознания генеральной идеи древнегреческого строя, стилистики его миропонимания и миростроительства можно подойти совершенно с иной стороны. Постулировав, скажем, что таковой была идея порядка, глубинной организации ментальной и физической сфер – т.е. *промышления* всего и вся. И был бы в этом подходе свой исторический и культурный резон.

То же и с Россией.

* * *

Идею *развития* в пространственном и историческом замысле российской государственности я воспринимаю скорее как универсальную тягу к освоению неведомого, как все ту же принципиальную *фронтирность*, в том числе метафизического свойства, как преодоление любых и всяческих пределов.

Если угодно, как архетип *иночества* и феномен *казачества*.

Рассуждая о пространственных измерениях страны, мы порою забываем: исторически это было не только и не просто евразийское пространство. Но шире – уникальное трансконтинентальное, многонациональное, а в пределе (и даже, парадоксальным образом, в сокровенном автаркичном, «островном», замысле) – «мировое» государство. Вспомним очертания герба скрывшейся в водах истории России-СССР. К тому же это было государство в один из периодов своей истории раскинувшееся на нескольких континентах.

Опять-таки отмечу общее для американской и русской психеи качество духа продвижения – неуклонного притяжения к дальней земной границе. Причем, с небрежно сброшенным с плеч попутным обременением – правом (вполне соответствовавшим законам своего времени) на еще один, предельно южный и одновременно максимально северный континент.

Как-то забывается под флером идеологической и кинематографической мифологии, что западная и восточная ветви христианской цивилизации, встретившись на краю земли – пространствах Дальнего Запада, сомкнули глобальное продвижение *Universum Christianum*. При очевидных различиях они совместно вписали в исторический текст особую формулу универсального обустройства земного общежития, вписали ее в земные «твердь и хляби» с запада на восток и с севера на юг.

* * *

Видится здесь также предчувствие иной встречи – потенциально с возможностью различного исхода – произошедшей уже в XX столетии и по другим основаниям. Встрече-столкновении атлантической (западной) и российской (советской) цивилизаций на рубежах ковавшейся в те годы конструкции одновременно глобального и биполярного универсума.

Отметим, что тяга к непрерывному продвижению, испытанию земных пространств на протяженность и прочность, притягивающий души динамический идеал *high frontier* – свойство отнюдь не всех цивилизаций.

Вспомним, к примеру, знаменитый запрет на океанические путешествия в средневековом Китае, подрубивший трансконтинентальную экспансию Срединной империи, хронологически даже

опережавшую в какой-то момент европейскую.²⁴ Или упорное самостояние конгломерата индийских сообществ (культурный запрет на эмиграцию), да и ряд других исторически достоверных примеров.

Конечно, тема полифонии цивилизаций, понимаемых как социокультурные пространства, культурно-исторические типы, субэкмены не проста, она имеет массу обертонов. И даже упомянутые энергии русской и европейской экспансий, основанные на изначально единой метафизической позиции, развивались исходя из различных социокультурных формул реализации.

«РУССКИЙ БОГ»

Велик русский бог!

Мамай

Нужно ль вам истолкованье, Что такое русский бог?
Вот его вам начертанье, Сколько я заметить мог.
Бог метелей, бог ухабов, Бог мучительных дорог,
Станций — тараканьих штабов, Вот он, вот он русский бог.

Петр Вяземский

Очевидно, что развитие российское, русское – как его ни определяй – имеет свою оригинальную специфику, причем глубинного, фундаментального свойства.

Вопрос, однако, в чем именно она состоит? На каком фундаменте возводилось государство российское как цивилизация, воспринявшая также мощный культурно-государственный импульс от Второго Рима?

Причем наследство было воспринято парадоксальным образом – не в качестве собственно византийского, а скорее как попытка отторжения византийской коррозии от самого наследия при ощущении уникальности задачи сохранения, если не плода, то цветка ромейской духовности.

Того цветка, который, несмотря на окружавшую его коррозию, произрастал и благоухал именно в последние столетия второй римской империи.

С наследием византийским вообще сложилась непростая ситуация. В обществе, надо сказать, до сих пор господствует стереотип о преемственности Руси и Византии, выраженный, к примеру, в легенде о «шапке Мономаха» или в поздних толкованиях тезиса о Третьем Риме.

Связь, действительно, существует, равно как наследие и преемственность, только вот в каком смысле?

²⁴ Так в начале XV века, т.е. почти за столетие до эпохи великих географических открытий, китайский мореплаватель Чжэн Хэ побывал в Малайзии, Индонезии, на Цейлоне, в Индии, возможно, дошел до восточной Африки. Китайцы (инициированные под властью монгольской династии Юань, «сшивавшей» таким образом ответвления пестрого хозяйства и наследия некогда величайшей империи) совершили в тот период более десятка океанических экспедиций, обложив данью ряд государств-Индийского океана и даже Красного моря (вплоть до Мекки). Однако некоторое время спустя правители минской династии запретили океанические путешествия, причиной чего явились именно возобладавший (господствовавший) тип мировоззрения и соответствующая практика миростроительства.

Если обратиться к документам и событиям эпохи (XV-XVI века), мы видим: дело обстояло подчас едва ли не противоположным по отношению к поздним прочтениям ситуации образом. И формула Третьего Рима осознавалась, скорее, как опровержение Византии, отрясение ее праха, нежели как ощущение кровного родства и наследования...

Однако обретение православного апофатического богословия, развиваемого в Византии, познание мира удивительных энергий, воспринятых и пестуемых в основном в исихастском кругу, а на русских просторах – нестяжателями, заволжскими старцами, каким-то образом, с изменениями, угасаниями, провалами – вплоть до трагического надлома – были все же унаследованы Россией.

И унаследованы во многом в сфере практики, а не богословия. Богословия же, как такового в России, пожалуй, и не сложилось, а вот практика, «практическое богословие» сложилось.

В целом же, Русское царство, обретшее собственный формат государственности, аккумулировав претензии на реконструкцию миропорядка и нащупав стержень оригинальной идеологии, напоминало в те годы сжатую пружину.

В течение весьма короткого исторического срока энергия преобразований сказалась не только на размерности и статусе страны, но и на самосознании народа. Она ввела в мировой контекст деятельного персонажа, который с тех пор, при всех исторических пертурбациях, до последнего времени не покидал историческую сцену.

* * *

Апофатичность, прочитанная и воспринятая как особый культурный импульс (т.е. преимущественно косвенным образом), произвела ряд отличных от источника и тем более от западноевропейских версий христианской культуры производных, созвучных, однако, психологическому складу русских очарованных странников-первопроходцев, купцов и монахов, разбойников и воевод, обитавших – вспомним об этом обстоятельстве – на краю познанной земли-ойкумены.

Попробуем воспроизвести, хотя бы списочно, качества подобного самоощущения и самостояния: запредельность, экстремальность, безымянность, неформальность (небрежение формой), инакость, мечтательность, утопизм, буйность, подвижничество, продвижение, освоение, мобилизация, эсхатологичность... И даже «перестройка» в каком-то неявном виде присутствуют в данном ряду, в том числе в залоге катастрофичности, – и все это вместе взятое входит в некую «русскую социологию развития».

Каким образом?

Одним словом, конечно, не ответишь. Но можно пытаться.

Подобная запредельность и экстремальность психеи имеет не только многочисленные внешние проявления. Но она намекает именно на *тип национальной идентичности* – имманентное предощущение некоего коренного трансцендентального замысла, специфическую внутреннюю географию и нелинейную умственную геометрию. Связанные в свою очередь с особенностью миропонимания, самоощущением личностью и народом судьбы как миссии, наполненной подчас дерзновенным содержанием. Русский закон – быть выше закона. Что проявляется и как рутина, и как доблесть, и как скотство.

Повторим еще раз то, что было частично сказано. Внешним признаком российского исторического/политического бытия, равно как и национальной ментальности являются одновременно *центробежная* (географически и антропологически) и *центростремительная*

(административно и идеологически) *фронтирность*. Прочерченная линиями старых и новых трансграничных, интерцивилизационных трактов, мыслительных и идеологических дерзновений. Фронтирность, отрывающая от планомерного наследования повседневности, уводя то в подвиги, то в грезы, со всеми присущими подобному способу бытия заблуждениями, ошибками, провалами, сантиментами.

Действительно, искаженное, неверное, подчас прямо извращенное, горделивое прочтение тезиса отзывалось в земной истории тяжкими, катастрофическими потрясениями. Но как Иона не смог отказаться от предъявленной ему миссии, так и для отказа от исторического промысла, собственной идентичности (мечты) требуется, видимо, совершенно особое сверхусилие, не сулящее, однако же, ничего хорошего.

* * *

Апофатическое богопознание предполагает испытания на грани предельности. Оно, собственно говоря, и основано на перманентном обитании в подобном статусе, на решительном, но умном шаге за очерченную привычным бытием границу.

Апофатическое мировосприятие актуализирует также неочевидные, «темные», глубинные свойства любви как высшей ценности и реальности, предполагающей в качестве земного проявления – в условиях перманентного несовершенства мира – жертву и муку, связанную с протяженным во времени ее принесением. То есть терпение во плоти и «вне общего предела». Без любви же апофатическое миропознание как опознание истины невозможно, опасно и предосудительно; подобное действие ведет в лабиринт, из которого нет выхода.

Апофатический подход к миростроительству – практике земного бытия – есть *самотворение* и *само-отворение* (а подчас – искусительное/искупительное *самосожигание*). Кроме того, это скорее испытание мира с целью познания истины, нежели его перестройка.

Схожим образом катафатическое мировоззрение по-своему акцентирует, проблематизирует онтологичность творчества и свободы. Плоды же принадлежат икономии и милосердию, т.е. всем.

Чувство становящейся едва ли не обыденной *за-предельности* (в том числе, в страдании), насыщаемой сгущающимися – но остающимися незримыми – токами земной жизни, отражается в социальной и политической практике: их внутренней экстатичности, экстремальности. Порой – свирепости. Экстремальности, которая имеет как интроспективную, так и мобилизационную составляющую, требуя в том и в другом случае крайнего напряжения духа. Формируя в итоге привычку к непрестанному усилию, *сверх-усилию* и в то же время – его странную при взгляде извне *прозрачность, будничность*, подчас обращаемые властью в прямую эксплуатацию способности народа к «предельной мобилизации».

Действительно, с утратой оснований, *неудержанием* главного, терпение может переродиться в тривиальную, а то и просто тупую покорность, причем чрезмерную.

Иначе говоря, формальные приметы специфического мировосприятия, поведения и соответствующей культурной матрицы без внутреннего самостояния, возрастания личности, постоянного горения и неуступчивости «*до самых до смерти*» любым попыткам коррупции (*искушениям*), своей внешней пассивностью по отношению к земному устройству развязывает возможности деспотизма и беспредельной тирании.

* * *

Корни мобилизованности, однако, могут быть различными, так же, как различным может оказаться развитие, и мы отчасти способны различать цивилизации по их динамическим и социальным производным.

В сущности, на протяжении некоторого периода на планете состязались две ветви цивилизации, которая содержит в своем естестве выраженную динамическую производную.

С одной стороны – это англо-саксонская цивилизация, которая помимо империи, «в которой не заходило солнце», произвела на свет собственную версию вселенского мира – мира Нового времени, породив попутно энергичное сообщество Соединенных государств (штатов), совместивших в какой-то момент под эгидой «града на холме» понятия глобализации и «американизации».

И менее внятные, синкопированные, но не менее динамичные, дерзновенные производные России, которая реализовывала собственную географическую и идеологическую экспансию, грезив всемирными и надмирными горизонтами, не слишком отделяясь, однако, от материнских континентальных пространств, хотя перманентно продуцировала попытки трансграничной, трансцендентальной и глобальной мировоззренческой экспансии.

Это были различные окраины, *у-краины*, пределы – т.е. казахи: запорожские, донские, волжские, терские, речные, степные и горные области. Дух и феномен поселенцев Урала и Поморья, энтузиасты Беловодья, соратники Ермака, яицкие, амурские, дальневосточные первопроходцы, раздвигавшие рубежи познанной ойкумены. И, напротив, скрывавшиеся от мира, от внешнего проявления в неизведанных землях монахи и старообрядцы. В каком-то смысле упомянутая выше Российско-Американская компания, совершив скачок в заокеанскую запредельность, также присутствует в этом ряду. (А в какой-то момент, и греза о земном рае, всемирном – надмирном – обществе солидарности и справедливости, коммунизме...)

И вместе они укрупняли, *живо-творили* очертания страны под стать пропорциям и границам мятущегося духа.

Именно в подобном метаисторическом промысле и земном замысле встреча потоков христианской цивилизации на окраине американского континента представляется – с точки зрения историософии – явлением примечательным и символичным. Изначальная претензия на горную запредельность, возбудила, таким образом, дух прорыва прежних земных границ, «океанических» оболочек средневековой и античной ойкумены, дав возможность *Universum Christianum* заполнить своим половодьем планету, сочетая в единое целое охваченные им миры.

БОРЬБА ЗА БУДУЩЕЕ

А переменит Бог Орду, и моя княгиня, и мои дети возьмут дань себе
Василий II

Великую цивилизацию нельзя завоевать извне,
если она не разрушит себя изнутри.
Уильям Дюран

XXI век, кажется, избрал интегрии в качестве одной из основных форм обустройства мира.

Пребывая в лоне глобализации, подобные комплексы находятся в разной степени сборки, демонстрируя многообразие архитектурных решений: США и ЕС, Индия и Китай, Латинская Америка и пестрый Арабский мир и т.п.

Вокруг ядра политэкономически и социокультурно связанных интегрций существует подчас второй, а иногда третий пояс стран-лимитрофов (к примеру, Средиземноморское сообщество или Восточноевропейское партнерство, примыкающие к ЕС), либо сателлитов иного формата. Несмотря на привкус второсортности они оказываются причастными к определенному влиятельному кругу. Кроме того им не грозит судьба стран-изгоев, наподобие Бирмы, Северной Кореи или Кубы.

В «полуразобранном» состоянии находятся некоторые потенциальные либо бывшие интегрции: скажем, страны Тропической Африки или Постсоветский мир.

Есть на планете «состоятельные одиночки» – своего рода мини-субэкумены, которым, однако, все сложнее реализовывать свое будущее. В качестве примера можно назвать Иран или Израиль. Последний, правда, в меньшей степени отвечает дескрипту, являясь парадоксальной квази-интегрцией. Кроме того на планете присутствуют не включенные в субэкумены государства: им приходится труднее – к примеру, Грузии или Армении (продвигающейся к восстановлению отношений с Турцией), находящимся в транзитном состоянии между распавшейся интегральностью Закавказья/СССР и не сложившейся комплексностью Черноморских стран.

Существуют также «пограничные ситуации» – та же Турция, возможно, приближается к стратегической развилке: принятие в ЕС либо вспышка политического творчества в сфере мусульманского/исламо-тюрокского сообщества. Кстати, турецкая ситуация – потомка Оттоманской империи, стремящегося в Европу – отчасти напоминает украинскую дилемму.

* * *

Ярлык «постсоветский мир» маркирует геополитический вакуум, образовавшийся в конце прошлого века в Северной Евразии.

На территории бывшего СССР расположены сегодня 19 государств разной степени фактической и юридической суверенности. Данное пространство меж тем сохраняет признаки цивилизационной ниши, причем не только за счет призрака СССР, но в силу уходящих вглубь истории связей, традиций. Однако генетика пространства приобретает все более рыхлый, дисперсный характер, распавшись на подпространства, пребывая в поиске лидеров и ожидании новых источников интеграции. Так что проблема осмысления формата социально-политической, культурной связанности и обустройства широких просторов Русского мира – проблема не только России-РФ.

Какой интеграл либо сумма конфигураций сформируются в итоге в этой части света, скажем, через пару десятилетий? Будут ли они ориентированы на Россию? Будут ли выстроены персонажами, исключившими Россию из новой сборки? Сохранит ли Россия-РФ в меняющихся обстоятельствах свой нынешний облик? Как сложится судьба Северного Кавказа? Произойдет ли фактическая автономизация Калининградской области, других особых регионов, достаточно многочисленных национально-культурных автономий? Или значительную часть постсоветского пространства можно рассматривать как цивилизационный бульон, где будут существовать сложные смеси, различаясь пропорциями?

С другой стороны сможет ли Восточноевропейское партнерство либо его гипотетический Центральноазиатский аналог утвердиться в качестве автономных интегрций без России, или же их

вполне устроит роль сателлитов более сильных соседей-лидеров? Не приведет ли подобное развитие событий к пересмотру значения России как весомого ресурса для субэкуменической конфигурации оригинального характера? Как сложатся в дальнейшем отношения европейской и азиатской частей постсоветского пространства, демонстрирующих нарастание социокультурных различий?

Но главное – это осознание того, что обширное «постсоветское» пространство вряд ли останется бесхозным. Ситуации стратегического/геополитического вакуума отведен не слишком долгий по историческим меркам срок. Так либо иначе, но оно будет последовательно обустроено. Ключевых вопросов возникает при этом не столь уж много: как именно будет обустроено, по какой формуле запущен процесс, какое имя (имена) обретет новая геополитическая реальность в картографии XXI века, ориентированной на метарегиональные комплексы?

Последний вопрос: не следует ли России занять заметно более активную позицию, продекларировав долгосрочную стратегию в данной области и определив желаемый алгоритм ее реализации? Проще говоря, подобрать для масштабной реконфигурации реалистичную «дорожную карту», дать имя предполагаемой конструкции, активно влиять на процесс, умно обозначив и продуктивно развивая его.

Дело ведь не в критике уязвимых сторон, скажем, концепции Русского мира, а в *конструировании будущего*. И если нечто критикуется, т.е. проблематизируется, то с позиций предъявления достойной, реалистичной альтернативы. В противном случае дискуссия обесмысливается: в земной жизни критике может быть подвержено все, но жизнь продолжается и неизменно рождает новые формы бытия.

* * *

Цивилизационная, национальная идентичность базируются на господстве мировоззрения, претворяемого в энергии культуры и практику миростроительства, что находит выражение в политическом проекте и отражено в историческом целеполагании.

Подобный проект основывается на оценках текущей ситуации и перспективы, на доктрине, рассматривающей прагматичные и идеальные цели, проводящей инвентаризацию средств достижения, а также – определение тактов («тактик»): «этапов большого пути», обобщением чего служит национальная стратегия.

Это обширное хозяйство отчасти напоминает шахматную партию, но лишь отчасти, т.е. в своем, так сказать, технологическом аспекте, – требуя интеллектуального и мировоззренческого обустройства, социального и гуманитарного инструментария, углубленного прочтения политической практики и верного определения исторической ситуации.

Мировоззрение нации отражается в ее основном земном (прагматичном) документе, сводящем воедино основополагающие для общества принципы и нормы, социальные скрепы жизнеустройства: *конституции*.

Конституция содержит постулаты, формализующие признанную систему ценностей, обозначающие миростроительные начала и законодательные принципы (юридический образ нации), утверждая политические и социальные основы общества и государства.

Между тем соответствие подобных констатаций времени и обстоятельствам меняется иногда радикально и стремительно.

* * *

Граждане России не первый год обитают в условиях стремительного социокультурного транзита.

Можно сказать, транзит – наше «родовое гнездо»: Россия – это (слово было ранее произнесено) *фронтальная* территория. Да и кризис культуры Большого Модерна на планете назревал не одно десятилетие, весь XX век прошел под знаком экспериментального поиска нового миропорядка.

Прописи слишком хорошо известных социально-идеологических проектов века – коммунизма, фашизма (корпоративизма), нацизма, социальной демократии, неолиберализма – сменив конкуренцию конфессий, религиозных ересей и прочие конфликты былых столетий, по мере воплощения проявлялись с разной мерой убедительности, демонстрируя ту или иную степень односторонности, ущербности, порока.

А, случалось, стремительно преображались из утопий в антиутопии.

Цивилизация же тем временем усложнялась и одновременно в чем-то упрощалась: индивидуация и массовизация, глобализация и локализация, урбанизация и вилдджизация... Список можно продолжать. Социальный космос сегодня объединяет сосуществующие, но все более разлетающиеся миры, число которых умножается, что, впрочем, не всегда заметно для привычного взора. И которые предпочитают, и подчас могут себе позволить, жить по собственным уставам.²⁵

Мир балансирует на краю исторического трамплина, вопрос лишь в том, конвертируются ли пробужденные интеллектом и волей энергии в конструктивные и относительно привычные формы бытия? Или же мы находимся только в преддверии бо́льших перемен, нежели нам представляется?

Возможно ли, что уже в ближайшее время совершится переход к полифонии, если не какофонии разномерных политических организмов: различных форматов государств, включая государства-корпорации, автономных транснациональных сетей, влиятельных и высокотехнологичных терминалов, сосуществующих параллельно с неоархаичными формами пост- и квази-цивилизационного существования?

* * *

Человечество, переживающее Большой социальный взрыв, пронизывают различные токи.

Формулы и чертежи проектируемой галактики предполагают сопряжение актуальных бесконечностей. Центр гравитации – при всем материальном многообразии людского универсума, смещается в область высокотехнологичных и креативных нематериальных активов, где концентрируются богатства, сила и власть постсовременной вселенной.

Эволюционный скачок сопровождается центробежным расслоением, утверждая нелинейную конфигурацию мироустройства, взаимоотношения симбиотических иерархий, подвижных политий и несхожих поколений влиятельных акторов на планете. Это совсем не «плоский» мир.

²⁵ См. Александр Неклесса. Мир Индиго. Беседа первая.

(http://www.intelros.ru/intelros/biblio_intelros/budushhee-kak-predchuvstvie/1404-mir_indigo_i.html);

Александр Неклесса. Мир Индиго. Беседа вторая. (http://www.intelros.ru/intelros/biblio_intelros/budushhee-kak-predchuvstvie/1405-aleksandr_neklessa_mir_indigo_beseda_vtoraja.html).

Происходит – с той или иной мерой интенсивности и успеха – мутация социальных объектов: проявляются оригинальные диффузные образования, «беременные туманности», в чем-то повторяющие очертания знакомых организмов, но имеющие заметно иную структуру.

Во все более «антропологизированной» версии социокосмоса инстинкты субъективного, нарушающего прежние рубежи миростроительства иницируют прототипы трансцивилизационных химер, удерживаемых до времени различными – в том числе конъюнктурными, паллиативными – способами контроля буйной практики.

* * *

Итак, привычные формы государственности становятся проницаемыми и уязвимыми, в то время как новые – нестабильны, пластичны, амбивалентны. Параллельно возникают такие экзотичные, по своему влиятельные субстанции, как власть без государства и общество без власти.

Все это серьезный вызов ценностям, интеллекту, типу мышления, системам знания прежнего мира. Но прежде всего – вызов самому человеку, находящемуся на краю лишь частично опознанной, а потому «темной», плотно укутанной миражами линии горизонта. В ситуации неопределенности проявляется острое желание постичь параметры социальности жизнеспособной и эффективной в подобных обстоятельствах.

Важно, конечно же, обладание непростыми, многомерными и *преадапционными* картами, на которых вычерчивается не только топография мира, канувшего в Лету, и даже не текущая – опознанная, отчасти формализованная реальность, но тот подвижный, с трудом улавливаемый ландшафт за горизонтом, который мы привыкли определять как будущее.

И в то же время играют роль не только энергии клонируемых протосуверенов, но также действия национальных корпораций, заинтересованных в поддержании организационной целостности и рациональном обустройстве трансформируемого общества. Не только инновационные процедуры эвакуации и транзита, но ценности, обретенные цивилизацией, и такие качества, как богатства цивилизации, здравый смысл, крепость моральных принципов, сила воли.

А в сфере метафизики растет значение даров духа, инстинкта сострадания и потенциала милосердия.

Альтернативная пропись сложноорганизованной человеческой вселенной мыслится примерно следующим образом. Соборность, подобно индивидуализму вытесняет сословность, круговую поруку общинности, отрицая «коллективизм племен». Но, отвергая отношения господства/подчинения и возвышая личность, такое общество преобразует ветхую природу, основа чего в разделяемых индивидами пульсирующих идеалах (*аттракторах*) и в не утраченной, но развитой эмпатии.

Синергичная методология познания и действия инкорпорирует метафизику как составную, неотторжимую часть сложного (комплексного) рельефа открывающейся реальности.

* * *

Что же приходится сегодня пересматривать и переосмысливать политикам и генералам, отвергать либо принимать интеллектуалам и предпринимателям, чем необходимо обладать или жертвовать жителям этого, не слишком совершенного, изменчивого мира?

Мир – пространство все более конкурентное, арена непрекращающейся битвы за будущее, его образ, содержание, за реализацию собственной формулы миростроительства. Борьбы, в которой состязаются не только проекты и концепты, но, подчас – обозначив тот или иной «конец истории» – искажаются, деформируются каналы постижения новизны, обращая фрустрированный взор вспять к мифической заводи эпического золотого века.

Короче говоря, постсовременный мир – ристалище острого соперничества, в котором противника порою пытаются лишиться самого чувства будущего, замкнув исторический и социальный горизонт.

На подобную ситуацию можно смотреть «широко закрытыми глазами», используя прежние представления о природе социального космоса, и продолжать действовать привычными методами. Однако останется ли при этом Россия в «новом смелом мире» на достойном месте, увидим ли мы ее вообще, либо сбудутся слова, прозвучавшие тревожной нотой на рубеже веков: «Россия это не данность, а проблема» и «Пришла пора подумать о мире без России»? ²⁶

Полифония Русского мира, этой обители многих народов, ныне усеченная и сведенная в квазиимперскую вертикаль, нуждается в умном переосмыслении и непростой реконструкции. Вертикаль, даже реализованная, есть упрощенная логика властвования, возникающая как производное от исторически вынужденного «держания» («держава») обширных пространств и населяющих их разноплеменных народов, господства над ними («господарь», «государь»). ²⁷

Подобная логика меж тем продуцирует сословность и разделение, тормозя социальную подвижность, «окорачивая» общую динамику, гася многоцветие, креативность населения. А в конечном счете, разделяет народ на имобилизованную середину («подчиненный остаток») и пассионарную центробежность, выходящую за пределы и «государства», и страны. ²⁸

²⁶ См. Александр Неклесса. Время коротких горизонтов. Реализация планов инновационной и инфраструктурной модернизации в России перманентно сдвигается в «светлое будущее». – Независимая газета. 2008-06-26. (http://www.ng.ru/ideas/2008-06-26/10_modernizatsia.html).

²⁷ См. Александр Неклесса. Провал постиндустриальной модернизации. Гегемония номенклатурного класса помешала российскому обществу стать свободным, сложным и динамичным. – Независимая газета. 2006-09-08. (http://www.ng.ru/ideas/2006-09-08/11_proval.html).

²⁸ Интересны результаты опроса, проведенного приблизительно два года назад (26.04.08 – 15.05.08, т.е. до кризиса) Центром Левады. Опрос был посвящен ориентациям молодых (24-39 лет), образованных представителей «российского среднего класса» (сложно определяемая в России группа, составляющая согласно параметрам данного опроса несколько процентов населения). Опрашивались люди с достаточно высоким по российским меркам уровнем дохода, иначе говоря, деятельная прослойка. Ответы показали, что половина респондентов (50%) «*постоянно или время от времени думают о возможности уехать из России навсегда или хотя бы на время*». Причем, желающие эмигрировать - молодежь (75% - младше 35 лет), имеют бо́льший доход (более 15% относятся к высшему слою среднего класса), живут в крупных городах – 55%). Одновременно вскрылось нечто более серьезное: заметная часть этих людей, успешно устроивших жизнь, будущее детей мыслит за пределами России: приблизительно две трети опрошенных (63%) определенно хотели, чтобы их дети учились и работали за границей, а несколько более трети (35%) определенно хотели бы, чтобы их дети жили за границей постоянно. (Данные исследования опубликованы 01.07.2008. «Российский средний класс». См.: <http://www.levada.ru/press/2008070101.html>.) Еще более шокируют результаты локального опроса, проведенного (август 2010, по заказу газеты «Ведомости») исследовательским центром рекрутингового портала Superjob.ru (в опросе участвовало 1000 человек из числа экономически активного населения, задавался, в частности, вопрос: «*Если бы у Вас была возможность жить в любой стране мира, какую страну Вы бы выбрали?*»). Лишь 23% россиян выбрали Россию, 73% респондентов предпочли для возможного проживания другую страну.

* * *

Взрывные, быстрые перемены в антропологической вселенной очевидным образом востребовали инициативу, методологию, интеллектуальную подвижность, адекватные открывшимся обстоятельствам и горизонтам.

Необходимы также внятный язык и категориальный аппарат для обнаруживаемых экзотичных форм практики. И для требующей неординарных усилий результативности.

Жизненно важной оказывается логика, основанная на преадаптации, апробированная в той или иной степени в среде венчурных предприятий. Необходимо заранее опознавать лики и тени наступающей эпохи, режиссируя курс в бурных водах глобального транзита.

Конечно, возникает искушение «простых решений» – почти по Гоголю: суммировать хорошее, отсеять плохое, приставив нос одного персонажа к лицу другого для достижения якобы идеального результата. Но к реальной политике, где кишмя кишат дьявольские альтернативы, это вряд ли имеет отношение.

Новые социально-политические комплексности, повторюсь, выстраиваются поверх географии национальных государств. Америка прочерчивает на планете собственную картографию зон национальных интересов, коалиций безопасности, стратегических и геоэкономических союзов. Европа умножает измерения союзного пространства (ЕС), законодательного сообщества (Европарламент), трансграничного ареала (Шенген), финансовой общности (евро). Китай, вбирая отщепленные от него ранее анклавы, балансирует между освоением внутреннего пространства, населенного десятками народов, и ролью ориентированной на внешние просторы «промышленной мастерской» мира.

И все они переживали свои «грозные години».

США – борьбу за независимость, братоубийственную гражданскую войну, Великую депрессию. Европа была полигоном жесточайших сражений двух мировых войн и радикальных социально-политических разделений. Китай, подобно России, распадался, погружаясь и в гражданские, и в антиколониальные, и в мировые войны. И – в трагическую архаизацию, словно бы в насмешку получившую прозвище «культурной революции».

Но выходили они из этих периодов «хаотизации организации», возрождаясь для новой жизни.

* * *

Россия-РФ не может вернуться ни в страну под названием Россия-СССР, ни в легендарную Российскую империю.²⁹

«Я испытывала такую глубокую жалость к России и ее детям, которые в настоящее время не знают, что творят. Разве это не больной ребенок, которого мы любим во сто раз больше во время его болезни, чем когда он весел и здоров? Хотелось бы понести его страдания, помочь ему. Святая Россия не может погибнуть. Но Великой России, увы, больше нет». Так писала в последние годы жизни претерпевшая затем мученическую кончину святая преподобномученица

²⁹ См. Александр Неклесса. Борьба за будущее. Модернизация и инновации в постсовременном мире // Россия: третье тысячелетие. Вестник актуальных прогнозов. – М, №23, 2010.
(http://www.intelros.ru/subject/karta_bud/6804-borba-za-budushhee.html#_ftn1).

Елизавета Федоровна. У страны, однако, сохраняется шанс на деятельное сопричастие в «*доме многих народов*», выстроенном по временно забытым, но до конца не утраченным лекалам Русского мира...

Наш мир – несовершенен, в нем преобладают кровь, пот и слезы. Прикладная же, «административная», политология – увы! – привыкла рассуждать в горизонтальной плоскости, приспособившись к логике властных – на данный момент – структур. Реагируя, главным образом, лишь на конъюнктурные угрозы и обращая внимание на окна возможностей преимущественно *post factum*. Ей чужд дующий в лицо ветер перемен, провоцирующий интеллектуальные прорывы и стратегические сдвиги. Подчас ее страшит даже простое, но точное и внятное описание *текущей реальности*, чреватое нелицеприятным осмыслением.³⁰

В результате подобно *déjà vu* вновь и вновь проявляет себя симуляция мысли: схематизм, категориальная метафоричность, пафосное мифотворчество. Прикрываемые, словно фиговым листком, риторическими упованиями на то, что «*и не такое переживали*», что «*Россия всегда с честью выходила из трудностей*». Но энтузиазм и умное действие – это не сентиментальность, не повторение заклинаний «*я все же верю*». Для достижения исторических высот, воплощения стратегии духа, необходим нравственный, интеллектуальный подвиг, культурная и моральная реформация, преодоление себя и обстоятельств.

У обширных пространств Русского мира, раскинувшегося от берегов одного «Русьского моря» до другого бывшего «Русского моря» – океанического, непростые соцветия, множественность измерений, сложносочетаемые вектора: восточноевропейский и евразийский, «русьский» и российский, славянский и поволжский, центральноазиатский и кавказский, христианский и поликонфессиональный, имперский и постсоветский, «постсоциалистический»...

Во всем этом сложном хозяйстве ощутимы скрученные жилы проблем и противоречий, но потенциально чувствуется то, что в современном лексиконе определяется словом *эмерджентность*.

Здесь, кстати, можно увидеть параллель с цивилизационным интегралом «европейской путаницы»: суммой культурных различий, несовпадений/разночтений идеального образа Союза, преодолевавшихся в процессе строительства и продолжающих наличествовать в настоящее время. В Русском мире главная тема звучит, возможно, еще полифоничней, переполненная диссонирующими синкопами, но при всех сложностях – а в перспективе и серьезных издержках – это вектор для умного деяния, естественно, без гарантий на успех, однако и не без шанса достичь оно.

Причем имеется в виду не строительство территориального, «имперского» здания, а созидание комплексной, взаимосвязанной целостности на основе социокультурной гравитации и некоторых общих характерных чертах (и даже чертах характера, т.е. некой психологической доминанты в идеальной семантической модели). Осознаваемых скорее при взгляде и сравнении «извне», нежели «внутри» пестрого сообщества.

Если же на этом пути удастся достичь позитивного результата, то выстраивается, пожалуй, не столько Русский Дом, сколько – Русский Город, безграничная Ромея, прикоснувшаяся к темным временам и, будем надеяться, отшатнувшаяся от них, – обитель многих народов, соборное «*единство в многообразии*».

³⁰ См. Александр Неклесса. Герои и общество. (http://www.intelros.ru/intelros/biblio_intelros/budushhee-kak-predchuvstvie/2448-aleksandr-neklessa.-geroi-i-obshhestvo.html).

* * *

Подведем предварительные итоги.

Россия, возможно как никогда ранее, нуждается в обновленной концепции не только геополитического или экономического свойства, но в социально-культурном развитии. Предусматривающим серьезные капиталовложения – материальные и нематериальные – в население страны и новую логику отношений с миром.

...И в своей мечте.

Идеальная модель земной власти в новом, многоцветном мире представляет цветущую сложность: это симфония культурно-исторических организмов и народов, динамичное сочетание разнородных, противоречивых, умножающихся элементов практики, синергия деятельных членов общества и пассионарного политического класса.

Человек, при всех недостатках, существо особое – образ и подобие живущего внутри идеала. Это солдат-насилник, неожиданно для себя бросающийся под колеса повозки, чтобы спасти ребенка. Так что качества грядущего мира не есть некая фатальность, с неизбежностью рока надвигающаяся на нас, маршрут истории намечен пунктиром в сердцах и определяется умным, деятельным сознанием.

В суете повседневности как-то забывается, что будущее есть прямой результат человеческих усилий.

Благодарю за внимание.

PERSONALIA

Александр Иванович Неклесса. Председатель Комиссии по социокультурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме Российской Академии наук (РАН).

Руководитель Группы ИНТЕЛПРОС. Научный руководитель проекта ВВЦ-2 («Время-Вперед-Центр»). Член Комитета по стратегическому развитию при Совете директоров ГАО ВВЦ.

Заместитель генерального директора Института экономических стратегий при Отделении общественных наук РАН. Заведующий Лабораторией геоэкономических исследований ИАФРАН. Профессор кафедры геоэкономики Академии геополитических проблем.

Руководитель Московского интеллектуального клуба «Красная площадь» и междисциплинарного семинара «СΥΝΕΡΓΙΑ» (Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования при ООН РАН).

Ранее возглавлял Синергетическую лабораторию НПО «СИНЛА», работал главным специалистом МВЭС РФ, управляющим Службы стратегического анализа МАПО «МИГ», экспертом-консультантом Директората стратегического планирования ВПК МАПО, являлся членом аналитической группы Совета Оборона РФ.

Действительный член российских отделений Международной лиги стратегического управления, оценки и учета (ILSMAA), Всемирной федерации исследований будущего (WFSF); а также Русского исторического общества и Философско-экономического ученого собрания МГУ им. М.В. Ломоносова.

Член Международного редакционного совета журнала «Philosophical alternatives» («Философские альтернативы») Болгарской академии наук и редколлегий российских журналов «Азия и Африка сегодня», «ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия», «Проблемы развития», «Прогнозы и стратегии», «Экономические стратегии». Ведущий еженедельной аналитической программы «Будущее» (FINAM FM).

Автор более 500 публикаций по вопросам международных отношений, политологии, экономики, истории.

Основные направления исследований: международные системы управления и тенденции глобального развития; стратегический анализ и планирование; геоэкономика; философия истории.

www.intelros.ru